

Последняя крепость Земли

Александр Золотько

Последняя крепость Земли

«Автор»

2007

Золотько А. К.

Последняя крепость Земли / А. К. Золотько — «Автор»,
2007 — (Последняя крепость Земли)

ISBN 5-93556-872-1

Десятилетиями люди мечтали о Контакте, но оказались не готовы к Встрече. Пришельцы уничтожили несколько миллионов человек, но их велено называть Братьями. Близкий контакт с Братьями ведет к смерти, но с ними приказано сосуществовать. Они уже десять лет на Земле, но никто не знает, почему уничтожена Америка, зачем созданы Территории, в чем предназначение Свободных Агентов и сколько еще времени осталось у человечества. Осенью 2017 схватка за Братские технологии между Россией и Европейским Союзом стала неизбежной. Непонятно только, что лучше – выиграть или проиграть.

ISBN 5-93556-872-1

© Золотько А. К., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Золотко

Последняя крепость Земли

Арсену Авакову с благодарностью за помощь и поддержку

Глава 1

Внутреннюю границу они пересекли неожиданно легко. Почти без шума. Почти. В конце концов, никто этого придурка из Вспомогательной службы не заставлял хвататься за пистолет. Пока он просто тупо смотрел на три ствола, все еще могло для него пройти относительно просто. Ну, там, получил бы по голове, максимум – легкое сотрясение. Николка гарантировал, что умеет бить аккуратно, но сильно, и у Евсеича не было причин ему не верить.

Умом Николка за неделю знакомства поразить Евсеича не смог, а вот своими физическими данными... И еще тем, что умел соизмерять свои усилия с необходимостью. Движения у него были точными и рациональными.

Когда охранник потянулся к кобуре, Николка шагнул вперед и плавно, словно боясь испугать того резким движением, провел своим ножом охраннику по горлу. И успел подхватить падающее тело. И плавно, словно оно ничего не весило, положил тело на пол коридора. И только после этого оглянулся на Евсеича, чуть виновато пожал плечами.

А хрен тут виноватиться, подумал Евсеич. Если этому покойнику из Вспомогательной службы захотелось погеройствовать, если он решил, что тарелка похлебки за прислуживание Братьям достаточный повод, чтобы убить или быть убитым... Туда ему и дорога.

Всем им, уродам, туда дорога.

А им, Евсеичу, Николке и Ржавому, дорога через Ничью землю и Внешнюю границу. Там через лес еще сотню километров и...

Что будет потом, Евсеич старался не думать. Знал, что там может начаться всякое, мысленно готовился к этому, но старался об этом не думать. Искося поглядывал на подельников и молчал.

Те тоже молчали.

Да и что разговаривать? Нужно идти, внимательно глядя под ноги и не упуская из виду рук приятелей. И старательно держа свои руки подальше от оружия. В принципе...

В принципе, пока они не дойдут до места, стрелять друг другу в спины и резать горла смысла нет. Как сказал перед самым началом похода Ржавый, экономически невыгодно.

Вьюк у каждого получился тяжеленный, килограммов по семьдесят, ничего больше на спину взвалить не получится. Замочить приятеля – потерять все, что тот на себе тащил. А это, считай, семьдесят килограммов денег. А то и больше, намного больше, если в лоснящихся черных пакетах, извлеченных из хранилища, действительно то, ради чего они собственно и пошли.

Тогда у них в мешках – чистое золото или даже по семьдесят килограммов бриллиантов. Свободно.

На первом и единственном привале Николка потискал один из пакетов, прижавшись к нему ухом.

– Скрипит, – радостным шепотом сообщил Николка. – Скрипит, падла!

– Или там Зеленая крошка, – с невозмутимым видом сказал Ржавый.

Николка насупился и спрятал пакет обратно в тюк.

Привал они сделали, отойдя километров десять от Внешней границы. Очень хотелось двигаться без остановок, но стимуляторы тоже нужно было принимать с паузами. Рывок, сутки работы на пределе, потом обязательно пауза. Хотя бы часов десять.

Евсеичу довелось видеть человека, принявшего две дозы стимулятора подряд. Всего две дозы без паузы.

...Пустые глаза, дергающаяся голова и слюна, бегущая бесконечной струйкой из уголка рта...

Экскурсия в клинику произвела должное впечатление, экспериментировать не хотелось совершенно.

Десять часов ночевки длились, казалось, бесконечно, боль распирала мышцы изнутри так, что кожа чуть ли не лопалась от напряжения.

Они лежали вокруг термобрикета, под маскировочной пленкой, и молчали.

Через десять часов, опять-таки не обменявшись ни словом, собрали вещи, аккуратно свернули, положили внутрь свертка капсулу и зарыли все в песок под камнем. Глубоко зарыли, метра на полтора, хотя, как говорил заказчик, можно было просто присыпать землей. Капсула вещи не сжигала, выдавая место жаром, а просто разлагала. В пыль, в молекулы, в атомы... Как именно? А хрен его знает. И знать даже неинтересно.

Достаточно нажать на еле заметную кнопку на конце капсулы и повернуть утолщенную ее часть, пока капсула не начнет мелко бесшумно вибрировать. И все.

Дочка говорила Евсеичу как-то, что такие вот штуки решали проблему утилизации мусора. В смысле могли решить, если кто-то стал бы их тратить на подобную фигню.

Евсеич о таком раньше только слышал, и, когда перед рейдом ему вручили ярко-зеленую палочку размером с палец, мелькнула мысль, скользнула где-то там, глубоко в мозгу, что слишком уж все получается затратным, что от продажи одного только снаряжения он мог получить столько, что потом всю жизнь можно было спокойно сосуществовать.

Не жить, сейчас так говорить было немодно, сейчас молодняк и, блин, богема выражались именно так – сосуществовать. Типа – политкорректно, в рамках Соглашения и в русле политики Братского Сосуществования. Он Машку несколько раз одергивал, а потом и сам привык. Вот как в начале девяностых неожиданно прицепились ко всем идиотские фразочки-паразиты «как бы» и «на самом деле»... Я на самом деле как бы, думаю... блин... Так и это «сосуществовать» вкупе с десятками, а то и сотнями новых слов и словечек влезло в обычную, нормальную речь...

И тут тоже ничего не поделаешь.

Сразу после Встречи вообще казалось, что все будет новым. Или, если уж совсем быть точным, вначале казалось, что все – все! – закончилось. А потом уже показалось, что все – все! – изменится.

И там, и там ошибочка вышла. Блин. Ошибка.

Лес прямо от опушки пошел тяжелый, с густым, перепутанным подлеском. Вначале вперед выдвинулся Николка. Потом, километров через тридцать, тропу топтал Евсеич, а потом уж и Ржавый. По походке напряженной, по неровному дыханию Ржавого Евсеич понимал, что очень неприятно тому перед самым финишем подставляться под удар, но жребий они бросали еще перед стартом и назад отбрасывать было поздно.

Стимулятор стимулятором, но усталость все-таки брала свое.

Наверное, поэтому Евсеич сразу и не понял, что произошло.

Тюк Ржавого, маячивший впереди столько километров, вдруг замер, оказался перед самым лицом Евсеича.

– Твою мать, – пробормотал Евсеич.

Ржавый стоял, его тюк перекрывал обзор, обойти справа или слева не давали переплетенные ветки колючего желто-красного кустарника.

– Что там? – тихо спросил Николка сзади.

– Что там? – похлопал Евсеич ладонью по тюку Ржавого.

Тюк чуть качнулся, что-то стукнуло впереди, будто камень упал на землю. Рука Евсеича легла на рукоять пистолета.

Ржавый шагнул вперед, еще раз – и отступил в сторону, открывая Евсеичу путь. И открывая заодно обзор.

Поляна. Небольшая, метров двадцать в диаметре. Деревья и кусты, обступившие ее, слились в пеструю стену, как бывает в ухоженных парках. Или, наверное, в джунглях. Солнце, стоявшее почти в зените, ярко освещало поляну с дубом посередине и человека, стоявшего перед деревом.

Человек улыбнулся дружелюбно, помахал левой рукой Евсеичу. Правой он махать не мог, в правой человек держал оружие.

Евсеич такую пушку видел только в кино. Киношники очень любили вручать ее главным кинозлодеям на момент финальной разборки. Очень уж здорово выходило разваливать из нее дома, бронетехнику и космические корабли, если действие фильма происходило в космосе.

В учебном фильме, который Евсеич смотрел перед рейдом, это самое оружие под названием «блеск» вело себя ничуть не хуже киношного.

Например, человек с «блеском» мог совершенно спокойно уложить всех троих одним выстрелом на тропе, а не предлагать добровольно разоружиться. Вон, оружие Ржавого лежало в траве. И туда же неизвестный человек с «блеском» жестом предлагал Евсеичу отправить и его, Евсеича, пистолет.

И что самое неприятное – выбора не было. Обидно, противно, неприятно, но не было выбора. С тюком на спине особо не попрыгаешь, лямки сковывают движения рук, бежать...

Справа-слева – кусты, сзади на тропе – Николка, который наверняка сейчас матерится сквозь зубы и пытается сообразить, чего там эти козлы остановились.

Какого черта этот незнакомец вообще решил их разоружать? Мог просто выстрелить. Как там говорил диктор в учебном фильме? Что-то насчет глубины поражения...

Евсеич осторожно потянулся к своей кобуре, пальцем, аккуратно, расстегнул. И смотрел неотрывно в глаза незнакомцу.

Мне нечего скрывать. Мне приказали разоружиться – я разоружаюсь. Что мне там светит за кражу с территории Братьев? Пять лет? Фигня. Что я, пять лет не потерплю? А потом снова двинусь на Территорию. У меня выхода нет. А что убили того мужичка возле хранилища, так он сам виноват. Сам.

На Территориях людские законы не работают. А Братья... Братья в наши разборки не полезут. Им это неинтересно. Они...

Двумя пальцами Евсеич вынул пистолет из кобуры, поднял перед собой и уронил в траву.

Вот. Пожалуйста. И улыбка у тебя, мужик, добротная, настоящая, почти настоящая... Что-то в ней не так, что-то не дает ей стать совсем уж искренней... Может, пистолет в руке? Или...

Нормальный такой себе мужик, всего лет тридцать на вид. Вот пальчиком аккуратно поманил к себе и указал направление – влево от тропинки. Ржавого, значит, вправо, а Евсеича – влево. А Николку – посередине.

Евсеич сделал три шага вперед и один шаг влево.

Николка выматерился.

Евсеич продолжал смотреть в лицо незнакомцу, на лирику в исполнении Николки не отвлекаясь.

– Здравствуй, – сказал незнакомец. – Предлагаю в качестве демонстрации доброй воли и желания просто поговорить аккуратно, то есть без рывков и злого умысла, положить свое оружие туда, где лежит оружие твоих приятелей. И тебе за это ничего не будет. Присоединяйся.

Николка прошел вперед, на поляну и встал между Евсеичем и Ржавым, плечом к плечу.

– Вот мы все и в сборе, – констатировал мужик. – Теперь я предлагаю вам всем медленно отстегнуть лямки, освободиться от поклажи...

– И самим себе «браслеты» надеть? – спросил Ржавый.

– Можете друг другу. – Улыбка мужика стала чуть шире.

Он достал из кармана три пары одноразовых пластиковых наручников.

И все-таки что-то в его лице было не так. Не в улыбке, понял Евсеич, а в лице. Во всем лице. Или в какой-то его черте.

Николка матерится, не переставая, Ржавый дергает заевшую застежку на лямке, а Евсеич смотрит в лицо этому уроду... Уроду.

Ржавый с хрустом уронил свой тюк назад, в кусты. Застонал, выпрямляя спину.

Николка сбросил тюк легко, словно и не тащил его Бог знает сколько. Но материться не перестал. И ведь сколько времени не использовал такого словарного богатства! Евсеич даже не подозревал, что Николка может так затейливо выражаться.

И напрасно мужик так уверенно держится.

Вот сейчас двое из трех уже не обременены поклажей, могут двигаться, могут какой-нибудь фокус выкинуть. Они стали гораздо опаснее, чем две минуты назад. То, что они бросили оружие, еще ничего не значит.

Вот Евсеич, например, не то чтобы готовился к такой вот встрече, но на всякий случай имел запасной вариант... Для Николки и Ржавого какая, блин, разница, в кого стрелять – в своего знакомя или вот в этого урода...

Первым все-таки выстрелил Николка. Евсеич так убедительно демонстрировал свою покорность, что отвлекся и не заметил, откуда Николка достал оружие. Может, из рукава. Ржавый свой запасной пистолет рванул из-за спины, из-за воротника. И тоже выстрелил, с запозданием, может, в полсекунды.

Но – с запозданием.

Николка, кстати, тоже не попал. Мужик оказался прытким. Вот только стоял прямо перед ними, а потом вдруг исчез, отлетел за дерево. Дерево приняло в себя три из четырех пуль. Что ему станется, дереву.

Ржавый метнулся вправо вдоль кустов. Николка – влево. И каким бы шустрым ни был их противник, спрятаться за одним деревом сразу от двух смекалистых парней он не сможет.

Урод.

– Не стрелять! – Евсеич с удивлением понял, что кричит он сам, что уже успел освободиться от своего тюка, выхватить пистолет и даже прицелиться в спину Николке. – Не трогайте его!

Николка выстрелил, пуля отщепила кусок коры. Ржавый прыгнул вперед, как в воду, держа пистолет в вытянутой руке...

Выстрелил Евсеич. Пуля ударила Ржавого в голову. Потом Евсеич выстрелил в Николку. Два раза. И еще раз в воздух, в ярко-голубое небо, опрокидываясь на спину, сбитый с ног ответным выстрелом. Не зря Евсеич считал Николку самым опасным из пары своих поделеньков. Не зря.

Получив две пули в грудь, Николка все-таки успел выстрелить в ответ. Успел. А сообразить, придурок, не успел.

– Не стреляй... – попытался крикнуть Евсеич.

Прохрипел. Вытолкнул из себя слова, словно сгусток боли. Нельзя стрелять. В этого, в урода... Нельзя. Лучше уж в него, в Леонида Евсеича Быстрова, бывшего офицера и бывшего... во всем – бывшего.

А в урода... нельзя.

Евсеич шептал это, пытаясь перевернуться на живот, чтобы доползти, попытаться добраться до Николки, остановить его... Нельзя убивать. Друг друга можно... а его – нельзя.

И чей-то голос над самой головой:

– Не дергайся, лежи... да не дергайся ты, дай перевяжу, дай перевяжу...

Боль стала затихать... Или это Евсеичу показалось? Он просто скользнул в беспамятство, как в темную воду, без всплеска, как его когда-то учили.

Обязательно без всплеска и не оставляя кругов на воде.

Стреляли. Майор мельком глянул на топографический монитор. Три километра к югу. Майор выругался. Звук они засекли, а вот кто в кого стрелял... Майор хлопнул оператора-два по плечу. Тот, не оборачиваясь, поднял большой палец.

Через секунду два микроплана вынырнули из контейнера и ушли на север над самыми вершинами деревьев.

Майор достал из тубуса и раскатал обзорный монитор, придавил его коленом к земле, чтобы края не заворачивались. Оператор-один бросил на угол монитора запасной адаптер, оглянулся вокруг, подыскивая еще что-то тяжелое, но майор отмахнулся.

Микропланы шли стереопарой, картинка была четкой, казалось, что в земле прорублено окно, под которым течет буро-зеленая, с желто-красными вкраплениями масса.

Майор провел пальцем по краю монитора, выводя вспомогательный экран в левый верхний угол. Три контрольные станции дали направления, линии пересеклись над полянкой.

Микропланы уменьшили скорость и поднялись чуть выше.

Круглая поляна медленно выползла из-под нижнего края монитора. Остановилась в центре.

Ярко-зеленая трава, тюки, четыре тела. Четыре.

Майор сплюнул. Оператор-один провел перчаткой над монитором, добавляя четкости.

Лицом вниз, вытянувшись, лежит... От курсора возле тела потекла строчка текстового сообщения. Ржевский Вениамин Викторович, тридцати восьми лет, холост. Силуэт на мониторе обведен красным. Мертв. Цифры рядом с телом указывают на время смерти. Только что. С погрешностью плюс-минус пять минут.

Второй покойник – Николай Андреевич Ахтырцев, тридцать лет, холост. И даже сирота. Разница во времени смерти... Фигня. Двадцать – двадцать пять секунд. Можно списать на погрешность измерения.

Красная линия подрагивает, реагируя на то, что кровь растекается. Монитор тоже не всемогущ. Монитор такие вещи запросто может воспринять как признаки жизни.

А тут еще и ветер. Микропланы сносит, приходится корректировать положение, картинка подрагивает, и это злит майора. Он не может рассмотреть четвертого. С третьим – понятно. Третий – Леонид Евсеич Быстров, сорок восемь лет, женат... разведен. Имеет дочь. Какого хрена его понесло на Территорию?

Кто же четвертый? Монитор не опознает.

– Вниз, – приказал майор.

– Заметит, – предупредил оператор-два.

– Вниз, – повторил майор и посмотрел на оператора-один.

Тот кивнул, глянул на экран своего пульта и показал четыре пальца. Группа будет на поляне через четыре минуты, теперь заметит неопознанный микропланы или нет – без разницы. Абсолютно.

Края поляны ушли за пределы монитора, теперь – только Быстров, лежащий на спине, и склонившийся над ним...

Да кто же ты, подумал майор. Откуда ты взялся? Тебя там не должно быть. И не может быть. Периметр уже сутки отслеживает живые объекты от трех килограммов и выше. И не было никого, кроме двух оленей и стаи чужекрыс.

Неизвестный накладывал повязку Быстрову. Старается, не поднимая головы.

– Микрофон, – приказал майор, и оператор-два улыбнулся.

Этот фокус они придумали вдвоем, когда брали мародеров на Северных территориях. Микроплан бесшумно опускается почти к самой голове объекта, потом включается на полную громкость псевдодинамик...

– Как пройти в библиотеку? – спросил майор.

Объект на этот раз не дернулся, не подпрыгнул от неожиданности. Объект, не торопясь, повернул голову, улыбнулся прямо в камеру и помахал рукой.

– Мать твою, – тяжело выдохнул майор, забыв о микрофоне и псевдодинамике.

– Я тебя тоже рад видеть, Котяра, – сказал объект. – Я так полагаю, что твоя группа будет здесь через пару минут? Останови, а то я обижусь.

– Гриф, что ты там делаешь? – спросил майор.

Оператор-один дал группе захвата отбой. Поэтому старший группы, прежде чем выбраться на открытое пространство, негромко кашлянул. Не получив ответа, кашлянул громче, стараясь не смотреть в сторону своих подчиненных.

– Простудился, служивый? – спросил Гриф. – Опасная у вас работа: простуды, комары, поносы от служебного рвения.

Кто-то из бойцов явственно хихикнул.

Старший группы медленно втянул воздух, медленно выдохнул. Еще раз вдохнул.

– Ты бы шел восвояси, – посоветовал Гриф.

Картинка с микропланов шла фоном на лицевой щиток шлема, и старшему группы было хорошо видно, что Гриф вытер руки, достал из кармана флягу, медленно отвинтил крышечку. Отхлебнул.

– Ты меня не понял, – сказал Гриф, глядя перед собой. – Тогда слушай внимательно и официально. Я, свободный агент, позывной «Гриф», номер лицензии три нуля пять, официально заявляю, что нахожусь под защитой пункта три, раздела пятнадцать Закона о Добрососедстве. Попытку приблизиться без моего согласия ко мне или к чему-либо на этой поляне буду рассматривать как прямое нарушение данного закона, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Например, непосредственным обращением в Консультационный Совет при Совете Безопасности Организации Объединенных Наций... Ты вообще знаешь, служивый, кто у меня Гарант? Дай бог тебе не узнать, кто у меня Гарант...

Из-за деревьев внезапно вынырнул вертолет и завис над поляной, со свистом загребая лопастями. Ветер ударил по деревьям и кустарнику, срывая листья. Автоматически включился аудиофильтр на шлеме старшего группы.

– Я выразился недостаточно ясно? – спросил, не повышая голоса, Гриф.

Глаза он прикрыл правой рукой, левой – придерживал повязку на груди раненого.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал майор в микрофон. – Я...

– Если ты снизишься еще на метр, я буду иметь полное право...

Станный это был разговор – голос майора, усиленный псевдодинамиком, и тихий, усталый голос Грифа.

– Я знаю твои права. И знаю, что Братя тебя... – Майор оглянулся на пилота, сидевшего рядом.

Пилот сделал вид, что ничего не услышал. О Братях нельзя вот так, резко. О Братях нужно говорить с чувством благодарности. А государственным служащим можно даже добавлять в свои слова немного гордости за сопричастность. Хорошо еще, что статус операции позволял не вести запись переговоров и не ретранслировать их на оперативный пульт.

– Стервятник... – пробормотал майор, не выключая микрофона. – Сволочь жадная. Убийца.

Пилот не возражал. Тут майор прав. Братя, конечно, Братями, но зарабатывать себе на жизнь таким вот образом... На своих, на людях... Другое дело они, Патруль... Им приходится копаться в дерьме и крови, но не ради личного обогащения, а ради Родины и всего человечества...

Получилось неплохо, мысленно одобрил себя пилот, почти как у Инструктора. Еще немного – и сам поверишь в то, что говоришь. Противно, конечно, словно навоз языком по небу растираешь, но те, кто не научился это делать...

– Я могу, между прочим, применить Пункт о Блокаде. – Майору удалось сделать свой голос почти спокойным. – Или мы поговорим...

– Применяй, – разрешил Гриф. – И не забудь еще применить пункты о дальней, информационной, биологической и гуманитарной блокаде. Тут будет чем заняться всему вашему управлению... Да и смежникам, я думаю... Ты видел, во что тут превратился подлесок? Вот пройдется, уничтожая внеэкологическую растительность... Прополочкой давно занимался? Это вы забыли о Санитарном соглашении, а общественность – она помнит. Ее, общественность, не обманешь. Ага? Кстати, в качестве моего добровольного вклада в дело борьбы за родную природу сообщаю, что стая чужекрыс в десять голов погнала двух оленей на юго-восток. И если все у них, чужекрыс, сложится хорошо, то выгонят они оленей напрямик к Речинску. И вполне могут обнаружить, слегка перекусив оленями, что на улицах городка еды куда больше, чем в лесу. И еда эта бежит гораздо медленнее, чем олени.

Майор скрипнул зубами. И не в чужекрысах дело, на них он вчера навел биологический патруль. Дело в том, что Гриф появился не там, не в то время и совершенно, что самое обидное, неуязвимым.

Приткнул где-то на ветке камеру и качает картинку прямо в Сеть, если не в Совет непосредственно. Только тронь свободного агента, Братя даже обидеться не успеют – Инструкторы размажут майора по коврику, чтобы только мог Гриф свободно выполнять свою важную функцию в деле Сближения и Сосуществования.

Стервятник.

– Группе – отход, – скомандовал майор так, чтобы услышал и Гриф.

Вертолет рывком ушел в сторону, ветер разом стих, оставив кружащиеся над поляной листья и один микроплан. Микроплан сделал круг над поляной, зависая над телами и тюками. Подплыл к самому лицу Грифа.

Над несущей мембраной появилась паутинка псевдодинамика, вздрогнула.

– Напрасно ты это, Гриф, – тихо сказал микроплан, почти прошептал голосом майора. – Проблемы могут быть... А если вдруг еще встретимся?

– Напрасно ты это, Котяра, – сказал Гриф. – А если кто глянет в памяти микроплана? Прямая угроза...

– Какого микроплана? – удивился голос майора.

Микроплан качнулся, убирая псевдодинамик, поднялся вверх метров на пятьдесят, а потом стремительно спикировал вниз, к стволу дерева.

Шлепок, брызги зеленоватой жидкости ударили Грифа в лицо. Как плевок. Гриф утерся рукавом. Застонал раненый.

– Что? – спросил Гриф.

– Что? – спросил голос из клубящейся тьмы. – Не дергайся, – сказал голос. – Больно будет. Ты же на стимуляторе...

– На... – прошептал Евсеич, – на стимуляторе.

А это значило, понимал Евсеич, что на обезболивание можно не рассчитывать... И еще много на что рассчитывать не приходится. Организм продолжал работать на пределе. Ускоренный обмен веществ и тому подобное... Евсеич застонал. Тому подобное...

Обостренные чувства, например. Боль... Отчаяние... Бессилие...

Боль огненным цветком полыхнула в груди, роняя семена по всему телу, в каждую клеточку... Быстро прорастающие семена.

– Я попробую дать еще одну дозу, – сказал голос. – Но поможет минут на пять...

– Не... нужно... – выдохнул Евсеич. – Лучше... уж... так...

Это даже хорошо, что он не может видеть этого сердобольного уroda. Не может осмотреть в его радужные глаза. В глаза, словно подернутые нефтяной пленкой. Только... Он все никак не может вспомнить, кто из Братьев имеет такие глаза... Глупо... Сразу сообразил, а вспомнить не может...

Боль выгнула его тело, выдавила из груди стон.

– Зачем ты стрелял в своих? – спросил голос.

Без акцента, обычный, человеческий голос...

– Братья... в вас нельзя... сволочи... не отдам... своих... не отдам... Машка... – По щеке потекла слеза, и Евсеич почувствовал, как ее аккуратно вытерли. – Братья...

– С чего ты взял? – спросил голос.

– Глаза... – Евсеич даже не удивился, что один из Братьев интересуется такими вот пустяками. – Гла... за.

– Дурак... – тихо произнес голос. – Дурак...

– Что? – Евсеич вздрогнул.

Перед его широко открытыми глазами плясали огненные шары, как тогда, десять лет назад, под Новороссийском.

...Они бежали к боксам, к технике. Почему-то решили, что нужно выводить технику... Он бежал вместе со всеми, до побеленной стены бокса оставалось всего метров двадцать, когда все вокруг вдруг полыхнуло... все: стены, асфальт, деревья, люди... Его только чудом не задело огненной волной, он даже и не прятался, не пытался Уйти – стоял потрясенно посреди этого ада и что-то кричал, зажав уши... Из дыма выскользнули огненные шары, с десятков, словно у шаровых молний была групповая экскурсия по территории воинской части... Ярko-оранжевые шары с любопытством тыкались во все, что оказывалось у них на пути, зажигая, превращая в клочущую огненную пену...

– Почему? – спросил Евсеич.

– Я не Брат. – Голос стал звучать тише... или его звук терялся в шорохе, который заполнял все вокруг, заливал мозг Евсеича. – Глаза – это...

– Сволочь, – сказал Евсеич.

Он действительно ошибся. Сволочь. Напрасно подставился... За этого инвалида... За него ничего бы и не было. Обидно.

– Меня зовут Гриф, – сказал голос.

– Стервятник...

– Можно и так. Я тебе должен...

– Сука...

– Я долги отдаю. Какая твоя доля в багаже?

– Треть. – Евсеич попытался улыбнуться.

– У тебя мало времени, – сказал Гриф. – Вы работали на заказчика. Под какой процент? Пять? Три?

– Десять... Каждому... – Говорить становилось все труднее, губы отказывались шевелиться, а слова – выстраиваться в связные фразы.

– И ты не понял, что вас подставили? – спросил Гриф. – Такие проценты могут только пообещать.

– Десять процентов, – упрямо повторил Евсеич.

– Я передам, – сказал Гриф, прошептал откуда-то издаleка, с другой стороны жизни. – Кто вас послал? Кто посредник?

– Машке... – Евсеич надеялся, что Гриф все-таки услышит его шепот. – Машке...

– Посредника назови! – Голос стал чуть громче. – Кто?

– Изви...ни... – Евсеич выдохнул слово, напрягшись из последних сил, вдохнул, и сердце замерло, убитое этим последним усилием.

– Умер, – сказал оператор-два, глядя на монитор.

– Сам вижу, – отмахнулся майор. – Мы ничего не пропустили? Он шептал...

Оператор-два указал на диаграммку в левом верхнем углу монитора. Мигала «соточка» – сто процентов дешифровки.

Майор оглянулся на стоящий в стороне вертолет – группа захвата заканчивала грузиться, под маскировочным тентом оставались только майор и оператор-два.

– В машину, – приказал майор.

Оператор свернул монитор, аккуратно положил его в тубус. Оглянулся, словно прикидывая, не забыл ли еще чего.

– В машину, – тихим голосом повторил майор.

Таким тоном он обычно говорил перед вспышкой гнева. Никто из подчиненных давно уже не заблуждался по поводу его интонаций. Оператор-два подхватил свой чемодан, тубус и рысцой побежал к вертолету.

Майор посмотрел на свои наручные часы, нажал на кнопку. Огонек возле «двенадцати» мигнул, пробежался по краю циферблата до шестерки.

Майор отключил питание маскировочного тента, спрятал блок питания в карман. Тент взялся складками и обвис, теряя цвет и фактуру.

Гриф, мысленно пробормотал майор. Откуда ты взялся? Глаза б мои тебя не видели... В который раз сталкивался майор с Грифом и в который раз испытывал жгучую смесь чувств, состоящую главным образом из брезгливости и ненависти. А тут еще и бессильная злость. В ближайшее время наверняка придется снова встречаться с Грифом.

С другой стороны, поправил себя майор уже возле самого люка, не исключено, что следующая встреча станет последней.

– ...По глазам видно, – сказал оператор-один старшему группы захвата.

Он хотел сказать еще что-то, но, увидев майора, замолчал. Майор сделал вид, что не понял, о ком речь. Мало ли кого видно по глазам! Когда за ним закрылась дверь пилотской кабины, оператор-один перевел дух.

– Что видно? – спросил старший группы.

Вертолет оторвался от земли и стал набирать высоту, когда в открытый люк юркнул микроплан и, чуть замешкавшись, влетел в открытый контейнер. Оператор-два закрыл крышку.

Индикатор питания горел красным.

– Кушать хочет, – констатировал оператор-два. – Да и я...

– Жрать – дело свинское, – сказал старший группы захвата, отстегивая от пояса флягу.

С подчиненными из группы он бы пить не стал, а вот с техниками – нормально. Никакого нарушения субординации с последующим падением дисциплины и, как любил говаривать майор, вертикали власти.

– Так что ты там говорил о глазах, Серега? – спросил старший группы. – Что «глаза»?

– А ничё! – ответил Серега, переводя дыхание и занюхивая рукавом. – Ты где, Лешенька, эту штуку берешь?

– Мать гонит, по старому рецепту. И выдает только на дежурство.

– И правильно делает, – согласился оператор-один. – Если такое пить каждый день, сорвет крышу почище братской любви...

Лешка кашлянул и сделал еще один глоток из фляги. Сергей покрутил пальцем у виска, и оператор-один виновато развел руками. В нормальном обществе о братской любви не говорили. В смысле – о братской любви не говорили тоже.

В приличном обществе можно было говорить о новых перспективах, о достижениях и свершениях. Можно было говорить о свободных агентах. В смысле – если что-то о них знали.

В приличном обществе вообще могли не знать о существовании свободных агентов. В приличном обществе могли не знать о существовании Патруля вообще и того подразделения Патруля, которым командовал майор в частности. Хотя среди людей сведущих группа «Кот» пользовалась даже некоторой славой. Вот даже тот самый Гриф опознал майора по голосу, даже искаженному псевдодинамиком.

– Они друг друга знают? – спросил Серега.

По-дурацки, в общем, спросил. Ежели они друг друга по кличкам звали... И не любят друг друга, тоже понятно. Вон майор шептать начал, как змея шипит. Последний раз такое было, когда трое из Периметра ушли, после того как чистили тот поселок...

И об этом тоже не стоит вспоминать. Вообще, здорово было бы и у Патрульных флеш-память извлекать, как из компов. Чик – и все. И не нужно было бы напиваться регулярно до свинского состояния. И к психологу в Управлении очередь бы не стояла. Бремя долга, мать его так. Почетная тяжесть.

– Я слышал, что свободные агенты еще до Встречи Братьям продались... – Лешка осекся и замолчал.

– Вступили в контакт, – подсказал оператор-один.

– В контакт, – подтвердил Лешка. – Вступили. И за это им предложили...

– Не, – замотал головой Серега, – тех в Комиссии включили. Кто, естественно, выжил. Серега тоже замолчал.

Странно получалось в жизни: в принципе – говори что хочешь и о чем хочешь, а начнешь – и словно по граблям гуляешь, если не в лоб, так по затылку схлопочешь. Неодобряемые, мать их, темы.

– Агенты уже потом появились, после подписания Соглашения, установления Территорий и прочей фигни. Когда наш народ усек что почем и ломанулся через границы.

– Это Володя из своего богатого опыта делится, – хмыкнул Серега. – Это ж он тогда грудью встал на защиту Братьев и их имущества.

Все-таки крепенькую штуку гонит Лешкина мать. Язык хоть и начинает заплетаться, но развязывается на фиг.

– Ты на Володю не наезжай, – усмехнулся Лешка. – Володя не мог тогда встать в общий строй по причине молодости, но если бы пришлось... А тем более сейчас он, между прочим, стойко переносит тяготы и лишения воинской службы. И переносит их уже две полные трех-летки. Правильно, Володя?

Оператор-два не ответил. Оператор-два обиделся, и не столько на слова своего приятеля Сереги, известного болтуна и трепача, сколько на тон, которым за него самого заступился Лешка.

– Десять лет назад, во время Встречи, мне было пятнадцать лет, – сказал Володя. – В семнадцать я пошел в Политех, в девятнадцать закончил и был без экзамена принят в Патруль, а...

– Ну извини, извини, – засмеялся Лешка. – Это я сгоряча обидел вундеркинда. А эти твои свободные агенты... Ты с ними что, знаком?

– Слышал, болтали, – отмахнулся Володя.

Вертолет заложил вираж и пошел вдоль полотна железной дороги.

– И что болтали? – снова спросил Лешка.

– Болтали, что над ними ставили эксперименты... Братья ставили. Или пересадка глаз, или модификация... и что-то не получилось. Вот им и дали, ну, как пенсию, что ли, разрешение промышлять и на Территориях, и между границами...

– Фигня! – отмахнулся Серега. – Эксперименты... Специально их обработали, типа бойцовых собак вырастили... Они даже, говорят, могут видеть будущее... секунды на две. Им хватает, чтобы успеть от выстрела уклониться, даже от снайперского...

– Сам ты, фигня! – Володя взял протянутую Лешкой флягу и сделал глоток. – Собак... Не путай божий дар с яичницей! То два года назад набирали добровольцев для спецчастей... У нас, в Политехе, половина курса туда ушла, и в Университете набирали, на физмате, физтехе, биофаке, химфаке... этом, мехмате...

– Не, – покачал головой Лешка, – тут ты, пожалуй, лажанул... Какие из головастиков бойцовые псы? Болонки и пудели... А свободные агенты... это, брат... я посмотрел сегодня на него... По повадкам за километр видно – зверь. Он же троих там на поляне положил. Троих.

– Угу... – хмыкнул Володя многозначительно.

– Что? – насторожился Лешка.

– А то... Пока майор летал с этим Грифом поболтать, я погонял монитор в разных режимах, и вышло... Не он стрелял. Он ни разу не стрелял.

– Как это? – не понял Серега. – Там же было два с половиной трупа... Два сразу, с интервалом в двадцать секунд, кажется...

– Там гильзы от трех стволов на поляне лежали. Четыре парабеллумовские из оружия Николая – как там его, две от «стечкина» и четыре – из пэсэма того, который умер последним. Друг друга они перестреляли. Четыре пули – в дерево, остальное – в приятелей.

– Ни хрена себе! – вырвалось у Лешки.

– То-то! – многозначительно протянул Володя, помахав пальцем в воздухе. – И знаешь, чего начали палить по своим? Умиравший сказал потом. Он подумал, что агент этот свободный – Брат. Я слышал, когда вы уже на борт пошли. Его глаза ввели в заблуждение... Так что я прав. Им Братя глаза меняли...

Вертолет трянуло, тубус с монитором поехал к открытому бортовому люку. Серега перехватил и бросил тубус под лавку.

– О, – ткнул он пальцем за борт, – паровоз. Чего это мы премся у всех на виду? Мало того что днем, так еще и возле железной дороги...

Вертолет проскочил вдоль идущего навстречу пассажирского состава и скользнул к реке.

– А чего нам бояться, – засмеялся Лешка. – Сегодня мы летаем в шкуре биологического патруля. А они как раз гоняют стаю чужекрыс. Слышали переговоры?

– Похоже, мы попадем уже к самому шапочному разбору, – печально сказал Генрих Францевич, провожая взглядом вертолет биопатруля. – Мы приедем, нам покажут две тушки и четыре шкурки... и все.

В купе тоскливо пахло старыми матрасами.

– Ну и что? – ленивым тоном спросил Женя. – Приедем, посмотрим, снимем и уедем. Делов...

– Это тебе, Женя, делов, а я помню слова Фаины Раневской...

– Это про то, что сняться в плохом фильме – все равно что плюнуть в вечность? От частоты употребления цитата не станет более гениальной, между прочим.

Женя был недоволен. Корреспондент Центрального информканала Евгений Касеев был недоволен. Был раздражен, разозлен и тому подобное. Его сорвали ночью с постели, сунули в вертолет, который довез почему-то только до какой-то военной базы, там их на машине подкинули до железнодорожной станции и посадили в вагон – спасибо, в двухместное купе. И все ради того, чтобы отснять потрясающей важности материал об очередном прорыве стаи чужекрыс с Территорий в обитаемую зону.

Тысяча первая рассказка. И, главное, зачем?

– И, главное, зачем? – повторил вслух Женя. – Если бы я был алкоголиком – тогда да, ехал бы с ветераном видеоискателя и жрал бы водяру. Но я же не пью...

Генрих Францевич налил себе в стакан на два пальца водки и выпил.

– Вот и пьете вы не по-русски, – укоризненно погрозил ему пальцем Женя. – Мелкими порциями. А ведь, казалось бы... Вы же еще войну снимали...

– Которую из них вы имеете в виду? – осведомился Генрих Францевич, закусывая водку ломтиком сала.

– Ну, не ту, на которой ваш уважаемый дед научился пить русскую водку под русское же сало.

– Если быть точным, то водка, бог с ней, русская, а сало – пардон. Сало – украинское. И сколько бы вы ни зубоскалили по этому поводу, сало могут делать только на Украине. Все остальное – жалкая подделка и незаконное использование бренда.

– Так ваш дед...

– Мой дед дошел до Москвы, пинками подгоняя перед собой вашего, Женя, дедушку, потом чуть снова не навалил ему же под Курском, а в плен попал уже только после того, как ваши взяли Харьков. Да и то хренушки бы вы его взяли, мой дед был тот еще скользкий тип, если бы, выбирая между защитой Третьего рейха и желанием жениться на одной украинке...

– Скажите прямо – любовью к салу.

– И любовью к салу, – согласился Генрих Францевич.

– Но ваш папа уехал из Украины в Москву, невзирая на сало...

– Он был молодой, ему нужны были деньги. – Генрих Францевич чуть улыбнулся. – Он мне так и говорил. И знаете, сколько ему пришлось вытерпеть от москалей за свое хохляцкое происхождение? Бедный Франц Карлович Пфайфер! Но я...

– А вы так и не выехали на историческую родину...

– Знаете, Женя, моя родина там, где я родился и вырос, даже если это Москва. И я имею дурацкую привычку гордиться своей родиной и своей работой. А для этого нужно смотреть на них обеих как на нечто великое и значимое.

Женя резко сел на постели.

– Стоп! Вот с этого места – подробнее. Вы, большой русский патриот, сейчас едете, чтобы снимать репортаж о последствиях... не о последствиях, а просто о биологической катастрофе, которая произошла благодаря Братьям... Которая идет благодаря им и нашим любимым руководителям и Сосуществователям. Нашим Сосуществователям.

Пфайфер аккуратно промакнул губы салфеткой.

– Заметьте, я ничего такого говорить в микрофон не буду. – Генрих Францевич развел руками. – Я буду стоять напротив вас, молодого, красивого, талантливого, и трепетно ловить кадром каждое ваше движение и каждое ваше слово. И передавать его на пульт нашего агентства, которое, если что, великолепно наложит свой текст на мое изображение. Это в случае, если вы недостаточно энергично будете вылизывать эрогенные зоны Братьям, инструкторам, Комитету по Встрече и советам на местах шершавым языком публицистики. А я, как вы верно только что заметили, снимал Севастополь в момент, извините, Встречи и был одним из двадцати четырех, случайно уцелевших к концу первой недели Контакта. И это я тоже снимал...

– И это вы смотрите по вечерам у себя дома, поставив портреты своего деда-вахмистра и отца-режиссера рядом с собой на диван и нацепив себе на грудь значок Пострадальца третьей степени... – Женя налил себе в стакан водки, грамм сто пятьдесят, и залпом выпил. – И не нужно мне про эрогенные зоны Братьев, а то я вам в морду дам, несмотря на значок за Пострадачество и возраст.

Генрих Францевич побарабанил пальцами по столику, задумчиво глядя в окно.

Деревья подступили к самой колее и неслись сплошной стеной мимо вагона.

– А вы знаете, – спросил Женя, поставив стакан, – почему в районе Территорий железная дорога стала единственным наземным средством сообщения?

Генрих Францевич продолжал рассматривать деревья за окном. Жене стало совсем грустно. И противно.

– Ну, не сердитесь, – попросил Касеев. – Я вас прошу... Я сказал глупость... и гадость. И можете дать мне в рожу, если хотите.

Генрих Францевич неодобрительно покосился на Касеева.

– Вот вам мое лицо. – Касеев наклонился через столик. – Обе щеки.

Генрих Францевич посмотрел на свою руку и задумался.

– Бейте, не жалейте, – зажмурившись, сказал Касеев. – Хуже не будет. У меня вчера вечером зарезали материал о проституции на Территориях.

Генрих Францевич молча плеснул в стаканы из бутылки, один стакан подвинул Касееву.

– Не чокаясь, – напомнил Женя.

Выпили. Закусили салом.

– Хор-рошее сало, – похвалил Женя.

– Родственники из-под Харькова шлют.

– Тяжело им там, наверное, столицей вместо Киева. – Женька сделал себе бутерброд и съел.

– Какого Киева? – переспросил Генрих Францевич. – А что, был какой-то Киев?

– Ну, типа да... Мать городов почему-то русских... Рожал города в Украине и подбрасывал в Россию. А что? – Щеки Касеева, как обычно после выпитого, покраснели.

– И что, по-вашему, там произошло? – осведомился Генрих Францевич.

– Приблизительно то же, что и с Севастополем, Владивостоком, Вашингтоном и еще с полутора десятками городов по всей Земле. А что?

– Вы, Женя, историю читали? В смысле последний Учебник истории? У меня внука учит – весьма забавное чтение. Киев, чтобы вы себе представили, эхо Чернобыля. Тамошние оставшиеся реакторы были взорваны зарвавшимися оборонцами, не въехавшими в то, что Встреча – это не оккупация...

– Так и написали «оккупация»? – ужаснулся Касеев. – Вот это некорректное слово употребили?

– Нет, там, естественно, употреблено словосочетание «недружелюбные намерения». – Генрих Францевич снова разлил по стаканам. – Не чокаясь...

– Нам же через три часа снимать, – напомнил Касеев, но водку выпил.

Генрих Францевич похлопал себя по карманам рубахи, потом огляделся, обнаружил свой многокарманный жилет на вешалке, встал, опершись на столик, и достал из жилета пластиковый пузырек.

– А у нас с собой есть, – сказал Генрих Францевич. – За пять минут до прибытия примем по паре таблеток...

– Свинство какое – пить таблетки, чтобы уничтожить следы старинного славянского обряда слияния с миром животных, – пробормотал Женька. – А я вот пойду пьяным в кадр и расскажу... Я им всем расскажу. Вы знаете, что чужекрыс который год уже ловят-ловят, а поймать не могут... То вроде всех переловили-изничтожили, а потом – бац! – очередная стая. А то и две! И лучших работников Центрального информагентства гонят черт знает куда, чтобы осветить событие, которое, исходя из общей логики, нужно было бы запрятать, вообще никому о нем не говоря, чтобы не подрывать процессы Сближения и Сосуществования. Лижения и Сосу... Сосулижения.

– А на стенах сейчас пишут «Сбляжение». Вы себе представляете?

– Представляю. И одобряю. А мне мой знакомый биолог, который принимал участие во вскрытии чужекрыс, сказал, что у них вообще нет половой системы. Нервная есть, пищева-

рительная есть, кровеносная – тоже есть. А половой – нет. Я ему сказал, что они, наверное, оргазм от еды испытывают, а он сказал, что их специально выводят, чтобы держать посторонних подальше от границ и Территорий. Не мог точно понять – люди или Братья. Его, моего приятеля, потом еще поперли из НИИ – давайте я это скажу прямо в кадре?

Касеев взял бутылку и обнаружил, что она пустая.

– Я потом проверил в Сети – есть ссылка на информацию об особенностях половой системы и у чужерыв. Ссылка есть, а информации – нет. И ученого из какого-то там американского океанария, информацию эту обнарудовавшего, тоже нет, пропал. – Касеев поставил бутылку под стол и посмотрел на часы. – Где там ваши таблетки?

Генрих Францевич положил две штуки в протянутую ладонь Касеева, потом две штуки принял сам, запивая минералкой.

– А вам не страшно, Женя? – спросил Генрих Францевич минут через пять.

– Это вы о чем? Не парьтесь и не напрягайте сосуществования. Не буду я про крыс выступать, – махнул рукой Касеев. – Буду я вылизывать и содействовать.

– Я не об этом, я о том, что все того и гляди взорвется. Если уж мы, те, кто должен был, по идее, разъяснять народу и убеждать его... То что должен думать простой народ? Ведь достаточно проскочить искре...

– И чё?! – всплеснул руками Касеев. Его руки изобразили сложный танец, переплетаясь и похлопывая, потом продемонстрировали собеседнику две фиги. – И ничё. Народ будет резать и вешать инструкторов вкупе с сосулизаторами, а Братья спокойно подождут, пока в Комитеты и Комиссии придут новые жадные и голодные. И готовые к сближению. Ну, разве что влупят Братики чем-нибудь серьезным, если народ полезет к ядерному оружию. Вы сами в своей жизни сколько раз видели Братьев? Вживую, а не на андеграунд-порно.

– Я работал на Территории, – сказал Генрих Францевич. – А что касательно простого народа – тут вы правы: он, простой народ, живых – как, впрочем, и мертвых – Братьев не видел. В массе своей он знает о них только по нашим с вами репортажам, фильмам и плакатам. Из учебников и книг. И, как вы верно подметили, из андеграунд-порно.

Вагон чуть трянуло, что-то заскрежетало. Пустая бутылка под столом опрокинулась и покатила в угол, Женя поймал стакан, летающий со столика, и посмотрел в окно.

– Тормозим, – сказал Женя. – Что за станция такая?

Опьянение ушло, оставляя сухость во рту и легкое раздражение.

– Платформа «Двадцать третий километр», – прочитал Генрих Францевич. – А по расписанию следующая остановка – Речинск.

Женя встал, попытался открыть окно, но оно как было на зиму заколочено, так и осталось.

Платформа была пустынна. Какие-то голоса доносились откуда-то от головы состава, но, как Касеев ни выгибал шею и ни прижимался щекой к стеклу, увидеть ничего не удалось.

По вагону пробежал проводник, распахивая двери купе и скороговоркой сообщая, что выходить из вагонов нельзя, что остановка ненадолго, что...

– Может, выйдем? – спросил у оператора Касеев. – Нам что, напрасно этой ночью вручили пропуска? Новостийщики мы или как?

Генрих Францевич надел свой жилет, вытащил из кофра камеру и сетевой селектор.

– Нельзя, – крикнул проводник от последнего купе, увидев журналистов в коридоре. – Нельзя...

Касеев вынул из нагрудного кармана рубашки пропуск, помахал над головой, и проводник замолчал, увидев радужное сияние голокарты.

Окно в коридоре было открыто, голоса снаружи были слышны и громче и яснее. Хотя в настоящий момент какую либо информацию из этих самых голосов почерпнуть было сложно,

разве что сразу было понятно, что говорившим очень не нравилось то, что произошло здесь, что они не в восторге от того, что приехал поезд и что... «Мать-мать-мать-мать – привычно подхватило эхо» – как любил говаривать Генрих Францевич в таких ситуациях.

Касеев выглянул в окно – рельсы, вторая платформа и лес. В конце платформы – киоск.

Генрих Францевич достал из кармана очки-мониторы, надел, на пульте нажал кнопку и набрал параметры кадра. Камера еле слышно зажужжала и взлетела с ладони.

Касеев достал свой контрольный монитор.

Камера выпорхнула в окно.

– Давайте, Генрих Францевич, медленно вдоль вагона, параллельно нам, на выходе определимся точнее, – предложил Касеев.

– Давайте. – Генрих Францевич коснулся большим пальцем сенсора на пульте.

Камера шла ровно, картинка не дергалась и не прыгала. В начале платформы, возле локомотива, стояли люди... Человек десять. И что-то говорили, размахивая руками и время от времени указывая куда-то в сторону леса.

Генрих Францевич тронул переключатель микрофонов...

– А откуда я мог это знать? – проорал один из стоявших возле головы состава. – Они соизволили сообщить об этом только пятнадцать минут назад. И я – не бог. Чудо, что вообще успели...

– Что успели? Что успели? – Полковник сорвал с пояса картопланшет и сунул его под нос собеседнику.

На экране картопланшета мигали красные огоньки, явно ничего хорошего не сулившие.

– Вы где остановили поезд? Вы что, не могли это сделать за десять километров отсюда? Сразу, как только пришло сообщение? Влом было глянуть на карте маршрут прохождения? Толкайте состав назад...

– Я не мог остановить состав раньше, не мог: там биопатруль гонит чужекрыс. Вам понятно? Поставить пассажирские вагоны в лесу, на пути стаи... Вы не знаете, что было в Мексике? Не читаете сводок и сообщений? Если вам так важно, чтобы никто не выходил из вагонов, ставьте своих людей по перрону, отдайте приказ лежать на полках, укрывшись с головами... Стреляйте, в конце концов, в злостных нарушителей... И не лезьте в наши дела. У меня охраняемый периметр только здесь, на станции и по дороге к поселку... Все. Разговор окончен. Твою дивизию...

Женя выпрыгнул на перрон, подхватил Генриха Францевича под руку: работая с кадром, оператор мог споткнуться и сверзиться с лестницы. Камера подлетела, остановилась метрах в двух от спорящих, зависла на уровне лиц. Так что последнее энергичное высказывание относилось к камере и журналистам.

– Кто пустил? – Железнодорожный начальник шагнул вперед, замахиваясь на чуть жужжащую камеру.

Камера вильнула, уклоняясь от удара, и поднялась на высоту трех с половиной метров. Генрих Францевич был человек не злой, но годы работы научили его быть немного мстительным. Именно эта высота заставляет многих недовольных переоценивать свои силы и пытаться все-таки допрыгнуть до камеры.

Железнодорожник прыгать не стал.

– Уберите камеру, – потребовал он, но стоявший рядом полковник схватил его за плечо и грубо повернул к себе.

– Если ровно через две минуты поезд не уйдет с платформы... – Голос полковника стал похожим на рычание. – Я...

– Если вы не прекратите мне указывать!.. – Голос железнодорожника взлетел до визга.

– Капитан, двух человек в паровоз, остальных в вагоны – и рвите вперед или назад отсюда как можно дальше... – Полковнику надоело пререкаться.

– Вас не пустят, двери заблокированы. В вагоны – пожалуйста, а в локомотив...

Капитан, бросившийся было выполнять приказ начальника, остановился. Из леса появились увешанные амуницией солдаты, побежали вдоль вагонов, влетая по ступенькам, отпихивая замешкавшихся проводников и любопытных пассажиров.

Женьку и Генриха Францевича солдаты аккуратно огибали, стараясь не задеть.

На всякий случай Генрих Францевич поднял в воздух дополнительную камеру. В такой ситуации все может быть, а терять интересные картинки он не привык.

Полковник взмахнул рукой... Пфайфер замер, а Касеев присвистнул – железнодорожник в ранге коменданта Территориального перегона взлетел, взмахнув руками, и покатился по перрону. Подчиненные бросились его подбирать.

– Всех из вагонов – под перрон. На восточную сторону, – приказал полковник в микрофон переговорника. – Наших – к пассажирам, в случае чего – отсечь лес... Твою маму в извращенной форме...

– В сторону, – сказал Касеев Генриху Францевичу, – сейчас будет давка.

Но солдаты действовали четко и слаженно. Через десять секунд после приказа из вагонов начали вылетать пассажиры. Их ловили, ставили на ноги и гнали, не давая опомниться, под платформы.

Железнодорожники возились со своим начальником, но тот лежал без сознания.

Раздался глухой удар, потом крик – кого-то солдаты все-таки не поймали. Заголосила женщина, требуя, чтобы не смели, не прикасались, имели в виду и готовились расхлебывать...

– Полковник! – крикнул Касеев и замолчал, получив пинок от Генриха Францевича.

– Пулю схлопотать хотите? – спросил Пфайфер. – Не видите – человек работает.

Через три минуты перрон опустел.

Солдаты унесли коменданта. Полковник заглянул в картопланшет, кивнул сам себе и пошел к лестнице. Оглянувшись на журналистов:

– А вам что – особое приглашение нужно?

– А нам нужно объяснение! – Женька был, конечно, уже трезвым, но сильно раздраженным.

Он вообще не любил военных, как, впрочем, большинство обычных нормальных людей. Сволочи. В них вбухивали такие деньги, а когда пришлось... Со своими они храбрые. Со своими, с людьми...

Полковник спорить не стал. Полковник окинул взглядом перрон, посмотрел на камеры, висящие в воздухе...

Полковник ничего не сказал. Он даже, кажется, не пошевелился. Пистолет сам собой оказался у него в руке, сам собой выстрелил... Два раза.

Основная камера и дополнительная камера. Объемное изображение, объемный звук, ночное видение и углубленное сканирование, десять тысяч гигабайтов памяти и выход в Сеть... И две девятимиллиметровые пули – они не смогли сосуществовать, не смогли вписаться в одном и том же объеме пространства.

– Ах ты, козел!

Касееву было наплевать, что полковник держал в руках оружие, что и без оружия он, пожалуй, мог бы сплести в мелкую косичку с десятком разъяренных корреспондентов, – Касеев бросился на полковника.

Попытался броситься, честно, не демонстрируя злость, а намереваясь оскорбить честь мундира самым непосредственным образом, – бросился, но Генрих Францевич оказался умнее.

Споткнувшись о его ногу, Женя упал, проехал по асфальту платформы, раздирая одежду и кожу. Полковник прыгнул с платформы, Женя попытался встать, но Пфайфер толкнул его в спину, заставляя лежать.

Генрих Францевич упал рядом, и Женя с удивлением заметил, что оператор срывает с себя пульт, диктофон, сетевой селектор и отбрасывает в сторону. Генрих Францевич что-то кричал, но ничего слышно не было.

В абсолютной тишине он открывал рот, потом сорвал с головы Касеева наушники, бесцеремонно выгреб из карманов всю электронную начинку, мобильник и даже стащил часы с руки. Все это совершенно бесшумно летело в сторону, бесшумно ударялось о платформу или соскальзывало с перрона к железнодорожному полотну...

Тишина... Странная, обволакивающая и проникающая в душу...

«Глаза», – прочитал Касеев по губам Пфайфера и удивился: что – глаза? Какие глаза?

Тишина вдруг начала вибрировать, мелко-мелко, все вокруг начало расслаиваться и двоиться; деревья, столбы – все медленно расплзлось в серую кашу, словно на акварель плеснули грязной воды. Только что – дерево, а через мгновение – серая клякса, бледно расплывающаяся, стекающая с листа бумаги...

Тонкий, еле слышный звук. Крохотный комар... Кровь в висках... Серые брызги внезапно налились красным, и комар теперь зудел возле самого уха, в мозгу... писк перерос в гул, низкий, перемешивающий мысли...

Грохот... камнепад... рев миллиона разъяренных хищников... миллиардов паровых котлов, одновременно взорвавшихся в мозгу Касеева...

Сжать голову, не дать ей разлететься на кусочки... держать, держать...

Касеев перевернулся на спину, открыл глаза. Багровое марево, окружающее полосу голубого... неба? Льда? И что-то громадное, невыносимо страшное появляется из марева, медленно выползает на лед, перечеркивает небо, заслоняет его своей лоснящейся серо-зеленой тушей...

Зеркальная рябь пробегает по бокам чудовища, словно мускулы играют... Вспышки белого, нестерпимого света... небо прогибается под чудовищным весом, идет трещинами... разлетается в пыль... мелкую, серебристую, обжигающую глаза...

Крики.

Крики боли и страха. Мужчины, женщины, дети...

Крики.

Касеев попытался встать, но долго не мог нащупать рукой асфальт. Мир вращался, елозил и ускользал, мерцая на самом краю сознания...

Встать, приказал себе Касеев. Встать.

Рядом застонал Пфайфер... Кажется, Пфайфер. Он ведь лежал рядом всего каких-то миллион лет назад, до появления в небе...

Что-то мелькнуло справа, какое-то движение... Люди...

Они выбирались из-под платформы и садились-садились-садились на рельсы, словно птицы на провода...

Касеев встал. Асфальт неожиданно обрел упругость и подтолкнул Касеева вверх. Устоять на ногах... Что-то изменилось... Что-то...

Не было состава. Была видна противоположная платформа, а поезда, на котором они приехали сюда...

Тошнота комом подкатилась к горлу.

Вагоны лежали совсем недалеко от рельсов, метрах в десяти... Смятые, исковерканные, скрученные, словно моток проволоки. Злой ребенок схватил надоевшую игрушку и отшвырнул в сторону... очень злой и очень сильный ребенок...

Люди на рельсах сидели, зажимая кто уши, кто глаза... маленькие, испуганные обезьянки.

Солдаты редкой цепочкой двигались к лесу за платформой... медленно, спотыкаясь, но шли, повинаясь приказу, держа оружие в руках...

Касеев словно во сне прошел по перрону к лестнице, спустился, крепко держась за перила. Заглянул под платформу.

Кровь и разбросанные тела... части тел... Кто-то еще шевелится, ползет, пытается встать, спотыкается о трупы... о живых...

Солдаты медленно, словно во сне, двигаются от одного тела к другому, сортируют, отделяют живых от мертвых...

Кровь, боль, страх...

Они всегда сопровождают Братьев... Только появление... одно появление – и снова кровь, боль и страх...

Прижавшись спиной к столбу, сидела женщина. На культю, оставшуюся на месте оторванной кисти руки, ей уже нанесли гель, прикрепили медпакет на предплечье. Женщина, залитая кровью, не отрываясь смотрела на свою уцелевшую руку и что-то говорила ровным голосом, словно объясняла кому-то что-то...

Касеев подошел.

– Маникюр... Я только вчера перед самым отъездом сделала маникюр. И что теперь? Мне вечером выступать. И как прикажете? Все смотрят на руки. Это виолончель, представьте себе. Это руки. Это пальцы и ногти. Люди смотрят на мои руки, когда я играю. Нельзя хорошо играть неопрятными руками. Нельзя. И что теперь прикажете делать? Маникюр... Я только вчера перед самым отъездом...

Кто-то сильно толкнул Касеева в плечо. Полковник. Он, казалось, просто не заметил Касеева. Он держал в опущенной руке пистолет и шел, глядя перед собой пустыми глазами.

Касеев вначале хотел остановить его, тронуть за плечо, но вдруг увидел, куда смотрит полковник, и понял, зачем он идет.

Железнодорожный начальник отряхивал свой мундир. Среди крови и боли он выглядел словно пришелец из другого мира. Ему повезло, он лежал без сознания, когда...

– ...Это руки. Это пальцы и ногти. Люди смотрят на мои руки...

Касеев, не отрываясь, смотрел на руку полковника. Рука с оружием чуть покачивается в такт шагам. Еле заметно, словно пистолет весит десятки килограммов. Пальцы держат оружие крепко, побелели суставы.

– ...Нельзя играть хорошо неопрятными руками... Пистолет качнулся и пошел вверх, увлекая за собой руку. Это он все решал, пистолет. Рука только подчинялась ему, а полковник следовал движениям своей руки. Медленно двинулся указательный палец на спусковом крючке. Чуть-чуть, всего пару миллиметров.

Из дула медленно, нехотя выплеснулось пламя, ствольная коробка сдвинулась назад, обнажая ствол, вверх и вправо вылетела гильза... Пистолет вскрикнул, как кричит женщина, рожая.

А пуля... Пуля головой вперед медленно выскользнула из ствола. Касеев видел, как пуля на мельчайшую долю секунды замешкалась, словно в приступе агорафобии, но потом, увидев цель, метнулась вперед, стараясь как можно быстрее преодолеть расстояние до головы железнодорожника. Этой пуле, как миллионам и миллионам пуль до нее, очень хотелось понять, выяснить, что крепче – она, пуля, или человеческая плоть. Что сильнее.

Касееву казалось, что пуля вдавливается в воздух, что с натугой протискивается между его молекулами, что стонет от этой непосильной работы...

Грохот, шлепок, брызги крови и падение тела... Сразу, одним мгновением, человек умер, умерла пуля, захлебнувшись его кровью. Еле слышно застонала осиротевшая гильза, упав на землю. Щелкнул затвор, досылая новый патрон.

Железнодорожник отлетел к бетонной опоре и медленно сполз по ней, запрокидываясь на бок.

– Сука! – ровным голосом сказал полковник. – Сука.

Но пистолету было мало одной смерти. Пистолету хотелось продолжить. Он снова потащил руку вверх, заламывая кисть, к виску. Полковник не сопротивлялся. Наверное, ему кажется, что холодное прикосновение металла немного успокоит боль... Хотя чуть-чуть... Совсем немного...

Откуда-то из-под платформы, из пахнувшей кровью и болью пустоты, вынырнул солдат. Подсечка, резкий рывок... Полковник падает навзничь, пистолет не хочет его отпускать, пистолет продолжает тянуться к его виску, примораживает к спусковому крючку палец, сведенный судорогой...

Хруст, ломается кость, пальцы разжимаются, и пистолет падает. Падает рядом с рухнувшим на землю полковником. Им нужно быть рядом. Пистолет надеется, что ему еще удастся завладеть левой рукой полковника. И закончить дело. Закончить...

Это кричит полковник:

– Закончить! Закончить!

И невнятное бормотание солдата. Не нужно, говорит солдат, нужно жить, говорит солдат, не стоит оно того...

Не стоит оно того, повторяет Касеев. Не стоит оно того.

Он повернулся и вышел из-под платформы. Посмотрел на небо. Тучи. Небо заволокло серым. И пошел дождь.

Глава 2

Майора звали Игорем Андреевичем Ильиным. Ему было тридцать пять лет, он был холост и за последние три часа успел повторить эту бесценную информацию уже раз пятнадцать. Майору очень хотелось спать, начинала болеть голова, как обычно бывало после длительного приема тонизирующих пилюль. Он жрал эту гадость двое суток подряд и мечтал о том, как прибудет на базу, сдаст снаряжение и примет душ.

Что может быть плохого в том, что майор Ильин примет душ после двух бессонных суток? Всего часа четыре поспать после душа – это что, преступление? Поспать – и можно снова нести службу, проявляя массовый героизм. Писать отчеты и отвечать на вопросы. Хоть по тысяче раз на одни и те же.

Но его посадили в откровенную комнату и запустили по всему циклу. Имя, отчество, фамилия, звание, год рождения, семейное положение. Датчики на теле глубокомысленно анализировали его реакции, микрофоны ловили отклонения в интонациях... Ильин сидел перед зеркалом и глядел в глаза своему отражению. Обнаженному отражению.

Экзекуторы от психологии решили когда-то, что перед самим собой обнаженный человек врать не будет. Или решили, что допрашиваемый подумает, что они так решили, а на самом деле...

Они много чего придумали, эти экзекуторы. Например, этот женский голос, чуть хрипловатый, со страстным придыханием, словно шепчущий свои вопросы прямо в мозг майора Ильина.

... Там, за зеркалом, шикарная женщина лежит, откинувшись в истоме, на шелковых простынях и спрашивает, спрашивает так, будто каждое его слово доставляет ей неземное наслаждение, будто он, майор Ильин, ее партнер в самых изысканных играх и он просто обязан ласкать ее, доставлять ей удовольствие, честно отвечая на вопросы... Ничего не утаивая... Какие могут быть тайны между ними...

А то, что молекулярный зонд гуляет в его мозгу, разыскивая обрывки мыслей и эмоций, так это все ерунда, это как хлыст и наручники в жесткой постельной игре. Немного боли – это даже приятно.

– Как могло получиться, что он исчез? – спросил голос, проворковал, и даже горячее дыхание, кажется, скользнуло по щеке майора. – Как это могло быть? Ты же все сделал правильно? Ты ведь не мог ошибиться?

Ильин и на этот вопрос уже отвечал не меньше десяти раз.

– Все было сделано по инструкции. Эвакуировав отряд на вертолете, я оставил весь комплект аппаратуры Периметра. Помимо этого было установлено внутреннее кольцо в радиусе двадцати метров от поляны.

Отвечал, отвечал, отвечал...

– Не смей мне врать! – выкрикнул голос, срываясь на визг. – Не смей!

И мгновенный укол боли пронзил его тело, от правой ключицы к левому бедру. Майор задохнулся, скрипнул зубами.

Боль стимулирует. Психологи утверждают, сволочи... Они это высчитали...

– Так что же случилось? – Голос снова стал медовым, и майор почувствовал, как тепло растекается по всему телу, стекает к низу живота. – Ты же хочешь... хочешь...

Майор сглотнул. Суки, мелькнуло в мозгу, и тут же по верхнему краю зеркала пробежала надпись – СУКИ. Может показаться, что они читают мысли, но это не так, это для неопытных. На самом деле они нежно вслушиваются в малейшее подрагивание связок.

СУКИ, – снова пробежало по зеркалу.

– Братья... – сказал Ильин. – Братья. Проход корабля в пяти километрах от поляны, от внутреннего кольца...

Говорить было трудно. Он пытался удержаться, отвлечься от разгорающегося пламени внизу живота.

– Говори, – прошептала на ухо его «любовница». – Говори...

Он не мог закрыть глаза, он видел, как тело перестает ему подчиняться, а возбуждается, повинувшись страстному голосу и молекулярному зонду.

СВОЛОЧИ, – пробежало по верхнему краю зеркала.

– Воздействие корабля... – Он задохнулся, но смог Успокоиться. – Вся аппаратура и электронные приборы выходят из строя... Взрываются... Какое-то воздействие...

– Какое?

– Да не знаю я! – выкрикнул майор. – Не знаю. Может, никто не знает. Только Братья. Я не знал, что будет Проход корабля. Они обычно с этой Территории уходят На запад – северо-запад... После прохождения корабля все оборудование выгорело, разлетелось в оплавленные клочья...

– Хорошо... Ведь хорошо же?

ТВАРЬ, СУКА, ШАЛАВА.

– Да, мне нравится, когда ты такой... сильный...

СУКА!

– Честный...

ТВАРЬ, СТЕРВА, ШЛЮХА, ТВОЮ МАТЬ...

Тело майора свела сладостная судорога, он застонал.

– Мы закончили, – официальным тоном сказала женщина. – Вы можете идти.

Датчики отошли и обвисли, зеркало превратилось в матовую зеленоватую поверхность.

Ильин встал с кресла.

Отъехала в сторону боковая стена комнаты, открывая проход в душевую. Майор вошел, встал под душ, врубил холодную воду на максимум и десять минут стоял, зажмурившись, под режущей ледяной струей.

Им кажется, что ЭТО не может быть пыткой. Что ЭТО на самом деле наслаждение. Ты говоришь правду и получаешь вознаграждение. А то, что чувствуешь себя изнасилованным, – фигня. Это твои личные аберрации мировосприятия.

Вы недовольны, майор? А не хотите вернуться к месту основной, легальной службы? Кем вы там у нас? А, инспектор дорожного движения, часто выезжающий в командировки? Вот и приступайте. Кстати, там, на дорожном пастбище, и заработок покруче, неофициальный. А тут, в спецкоманде, вы получаете копейки, не разглашаете, врете приятелям и родственникам... Вернее, у вас же нет родственников... А приятели? У вас есть приятели? Вот им вы и врете, между третьим стаканом и четвертым. Вы ведь даже перестали испытывать кайф от выпивки, вы ужасно боитесь потерять контроль над собой и ляпнуть, что это вы чистите проштрафившиеся перед Сосуществованием регионы и населенные пункты.

Ах, вы честно выполняете свой долг? Ну так выполняйте. А наши маленькие шалости в откровенной комнате – часть этого долга.

Не одеваясь, оставив одежду и белье в душевой, Ильин не торопясь отправился по коридору к раздевалке в дальнем крыле здания. Он не замечал попадавшихся навстречу сотрудников и сотрудниц, а те привычно не замечали его. Вернее, не замечали его внешнего вида. Они скорее удивились бы, увидев его после допроса полностью обмундированным. У каждого своя, индивидуальная реакция на откровенность.

Старшему группы захвата, Алексею Трошину, например, такие допросы даже нравились.

– Это как секс по телефону, – рассказывал он пареньку из группы охраны и обеспечения, сидя на скамейке посреди раздевалки.

Паренек был молодой, доверчивый, очень живо реагировал на рассказы, попадался на всяческие розыгрыши и отзывался на прозвище Бемби.

– Я, значит, сижу, а она – в звании подполковника, заметь, – мне...

– А что, психолог может быть подполковником? – изумился Бемби, подставившись в очередной раз.

– А хоть и под генералом! – довольно заржал Трошин, оглянулся и только сейчас заметил майора, надевающего возле своего шкафчика мятый мундир. – Оттуда?

– Из душа, – коротко ответил майор.

Не было у него желания болтать с кем бы то ни было. Совершенно. Хотелось приехать домой и завалиться спать. И умереть во сне.

– Счастливый вы человек... – сказал Трошин. – Я просил отпуска – хренушки. В декабре, не раньше. Без Меня и моей группы рухнет безопасность страны. В декабре – не рухнет, а в сентябре – вдребезги.

Бемби попытался что-то сказать. Он даже успел изобразить на лице забавный коктейль из уважения, счастья общения и уверенности в завтрашнем дне – коктейль, подходящий, по его, Бембиному, мнению, для разговора с такими серьезными людьми, как Игорь Андреевич Ильин, – набрал воздуха в легкие...

– А ты, лопоухий, пошел на х..., – прервал эти приготовления Трошин, – дядям нужно поговорить о серьезных взрослых проблемах.

Бемби молча встал со скамейки, подхватил свою сумку и вышел, ничуть не обидевшись. Чего тут обижаться, когда вся раздевалка и так охвачена кадром, всякое движение пишется и аккуратно заносится в базу данных внутренней безопасности.

Старшему лейтенанту Оленеву вообще нравилась его работа. Нужно было только присутствовать, подталкивать и направлять разговоры. И не обижаться. Кому-то нравится ловить вооруженных ублюдков возле Территорий, а кому-то – аккуратно возвращаться к девяти часам домой, к маме.

– Сучок, – протянул брезгливо Трошин, когда Бемби вышел. – Даже стучать толком не умеет. На прошлой неделе меня вызвали в наше гестапо – отчего это, товарищ капитан, вы позволяете себе цитировать книги, входящие в список некорректных? Я – ни сном, ни духом, безопасник тоже не совсем в теме, видно, приказ сверху отрабатывает, профилактирует меня, не выдавая источников... Потом уже я сообразил, что при Бемби «Войну миров» упомянул. А я же ничего, я только сказал, что в последнее время в селах ставят водонапорные башни в виде марсианских боевых треножников... То ли как памятник оккупантам, то ли как призыв к...

Ильин сложил в сумку туалетные принадлежности, задернул молнию.

– Куда в отпуск поедете? – поинтересовался Трошин, вставая со скамейки.

– В какой отпуск? – не понял Ильин. – Ты о чем?

– Так это, на Стене Плача, напротив канцелярии... Свежеиспеченный приказ – очередной отпуск, с выплатой премиальных и на оздоровление... За безупречную и инициативную.

Ильин молча вышел из раздевалки, Трошин – за ним. На самом пороге Трошин остановился и помахал рукой сенсoram кадра, существование которых в раздевалке, в принципе, являлось служебной тайной:

– Пока, блюстители чистых рук!

Ильина Трошин догнал уже возле канцелярии – майор читал приказ.

– Что, и вправду не знали? – спросил Трошин.

Ильин посмотрел на наручные часы и отправился в бухгалтерию, содрав одним движением руки приказ с доски. Не здороваясь, вошел, припечатал ладонью приказ на стол перед Хомяком, тот, не говоря ни слова, достал из папки, лежавшей перед ним, ведомость, подождал, пока Ильин в ней распишется, потом вытряхнул на стол кредитную карточку и пальцем подтолкнул ее к майору. Так, будто боялся испачкать об нее руки.

Трошин ждал Ильина на автостоянке, возле майорской «тойоты». Ходили легенды, что этот подержанный аппарат еще отец Ильина собственноручно перегнал из Владивостока. Когда Владивосток еще существовал. То есть очень давно. И уже тогда это транспортное средство было далеко не новым.

Майор обычно подвозил Лешку Трошина домой, благо они жили на соседних улицах. Обычно майор подвозил.

Ильин молча сунул капитану купюру.

– Не понял? – спросил ошарашенный Лешка.

– Сегодня катаешься на такси.

Майор захлопнул дверцу, и машина отъехала.

– У богатых – свои причуды, – сказал ей вдогонку Трошин.

«Странно, – подумал Ильин, выводя машину на проспект, – очень странно».

Все странно. От всего несет дерьмом. Изолгались все, мать твою... Бемби стучит на Трошина, Трошин... Нет никакой гарантии, что Трошин не стучит на Ильина, потому что сам Ильин совсем недавно стучал на Грифа.

Вспомнив о Грифе, майор выругался. Вышло, как показалось Ильину, не слишком убедительно, тогда он выругался еще раз, энергичнее.

Не то и не так. Все не то и все не так.

Почему эта мысль не оставляет его после допроса? Почему? Странные вопросы задавали? Нет, все как обычно. Подробнее, дотошнее, но – в пределах нормы. Что-то спросили не так?

Заметив банкомат, Ильин хотел остановиться, но вспомнил, что там выдача лимитирована, решил подъехать к банку. Ильин не любил карточек, старался избегать ими расплачиваться, регулярно ломал и выбрасывал, предварительно очистив счет, но Хомяк терпеливо следовал инструкциям.

Инструкции не запрещали Ильину расправляться с карточками, но требовали выдавать жалованье именно в электронном виде.

Денег выдали много, неожиданно много. У Ильина даже чуть не возник соблазн купить что-нибудь ненужное и дорогое. Например, пару ящиков самого навороченного коньяка. И отдать все это бухло соседу-пропойце. И насладиться тем, как соседка будет ошарашенно смотреть на подарок, прикидывая, по какому курсу все это пойло можно обменять на водку.

Все у вас в Управлении чокнутые, сказал когда-то Синицын из биопатруля и был совершенно прав. Абсолютно. Это он снаружи смотрел, во время совместных операций, а видел бы он, как Сотник два года назад сорвался с катушек...

...Стрельбу они слышали в обед. Не часто в Управлении раздавались длинные автоматные очереди, поэтому практически все заинтересовались происходящим, бросились посмотреть. Самые быстрые поспели как раз к окончанию первого магазина, оба схлопотали по три пули, оба – приблизительно в одно и то же место организма, но один умер на месте, а второй через неделю уже ходил, надоедая коллегам разговорами о судьбе и предопределении.

Прибежавшие к арсеналу чуть позже имели несколько секунд, чтобы сопоставить расстрелянного оружейника, двух лежащих коллег и Юру Сотника, который, не торопясь, заменял в автомате магазин. Сопоставить они успели, попытались обратиться в бегство, но в дверях толпились другие, не успевшие оценить всей многозначительности картины.

К моменту прихода Ильина все выглядело более чем печально: Сотник магазин присоединил и как раз передернул затвор. Полтора десятка мужиков пытались одновременно выйти и войти в одну и ту же стандартную дверь. Большинство из них были людьми опытными и тренированными, но тут на всех навалился, как признался потом один из них, потный идиотизм. Тем более что инструкция не позволяла иметь в Управлении при себе оружие. Ильину она тоже этого не позволяла, но заставить не могла.

Ильин выстрелил дважды. Первой пулей он свалил на пол долговязого Четвертакова, который очень неудачно заслонял Сотника. Четвертаков потом, после выхода с больничного, попытался подать на Ильина рапорт, но остальные участники столпотворения его очень энергично от такого глупого поступка отговорили, чуть не отправив в госпиталь еще раз.

Второй пулей Ильин достал Юрку. Кто-то потом говорил, что можно было не стрелять на поражение, типа обойтись раной в плече или в крайнем случае груди. Кто-то, в мероприятии не участвовавший. Большинство молча согласилось с майором – рисковать было нельзя. Странно, но почти полгода после этого с Ильиным никто в Управлении не разговаривал. Даже те, кого он спас. А еще, как это ни смешно, майору-таки запретили носить оружие в Управлении.

Нормальных в Управлении нет. Все находятся в разной степени идиотизма и шизофрении. Семь самоубийств за последние три года – тут впору всех психологов отправлять на переставление... Или на виселицу, психоаналитиков долбаных.

Ильин поставил «тойоту» напротив своей пятиэтажки. Гаража у него принципиально не было, иногда он даже оставлял свою машину, не закрывая салон. И – ничего. Во-первых, ментовская фуражка возле заднего стекла... Или это «во-вторых», а во-первых – обшарпанный кузов и год выпуска?

Дверь в подъезд, сколько себя помнил Ильин, никогда не закрывалась. Лестница и лестничные клетки убирались, но не слишком часто, чтобы не баловать и не приучать. Ремонт последний раз проходил лет пять назад...

Эти пятиэтажки вообще собирались снести, а жильцов – выселить. Программу должны были выполнить к две тысячи десятому, но в две тысячи седьмом грянула Встреча. А при начале конца света все программы по реконструкции жилья летят ко всем чертям. В первую очередь.

Пока разобрались, что в ближайшее время катастрофа отменяется, прошло почти три года, потом так и не решили, отменяется или только откладывается... В общем, Ильин жил в однокомнатной квартире на четвертом этаже пятиэтажного дома, признанного аварийным еще в прошлом веке.

Телевизор включился сразу, как только Ильин вошел в комнату. Над телевизором желтым высветилась голографическая «напоминалка», приглашая обратить внимание на передачи, пропущенные хозяином за три дня его отсутствия.

Информация о сегодняшних новостях была выделена красным цветом. Телевизор был особо проинструктирован на тему чрезвычайных происшествий и катастроф. В смысле – вылавливать в Сети и складировать. Местные – в первую очередь.

Ильин снял с себя мундир, бросил его на диван, сам сел в кресло напротив телевизора. Многие сейчас тратились на голоприемники, в крайнем случае – стереовизоры. Ильин обходился обычным, плазменным. Меньше занимает места, отвечал Ильин на вопросы, стараясь, не дай бог, не упомянуть о возможностях обратной связи навороченных аппаратов.

Обычный телевизор оставлял хоть какую-то иллюзию неприкосновенности жилища.

Железнодорожная катастрофа в двадцати километрах от Речинска. Ильин кашлянул. Железнодорожная катастрофа...

Ильин выбрал в меню строчку воспроизведения, шевельнул пальцами над сенсорной пластиной.

Запустил без звука. Это позволяло составить первое впечатление без влияния дебильных комментариев журналистов.

Вначале – кадр, снятый с вертолета. Знакомая местность плавно разворачивалась на экране: излучина реки Смолки, железнодорожный мост... Ни Территория, ни Границы в кадр, естественно, не попали, но гуляющая по горизонту камера создавала впечатление свободы и открытости.

В левом нижнем углу белые цифры времени съемок. В правом верхнем – время трансляции. Все – честно. Все – объективно.

Вертолет развернулся и прошел над полотном железной дороги, словно собирался штурмовать станцию. Летчик – военный. Около Территорий гражданские не летают.

Вагоны пострадали по-разному. Два первых, вместе с локомотивом, слетели с рельсов, остальные – частью опрокинулись, частью стояли почти не поврежденные.

Среди обломков сустились люди, что-то разрезали, кого-то на носилках несли к вертолету МЧС.

В кадре наконец появился репортер, бойкая девушка лет двадцати, которая, старательно делая серьезный вид, что-то говорила. Потом появился мужик лет пятидесяти в форме железнодорожника, начальник среднего звена, и стал давать пояснения. По лицу было видно, что положение серьезное, очень жаль погибших и пострадавших, но во взгляде сквозили уверенность и деловитость.

Ильин ухмыльнулся и отмотал изображение назад. Остановил в том месте, где вертолет прошел над рельсами и появилось первое изображение покореженных вагонов. Включил функцию поиска и откинулся в кресле, закрыв глаза.

Время катастрофы совпадает со временем пролета Братьев. До секунды. В карту можно было не смотреть, карту Ильин помнил наизусть. Линия прохода шла точно над платформой «Двадцать третий километр». Поезд угораздило оказаться не в том месте и не в то время.

Не в то время и не в том месте... Сегодня он уже говорил эту фразу. И относилась она к Грифу. Не в том месте и не в то время оказался этот подонок. И поезд. И Братья, насколько помнил Ильин, прокладывают свои маршруты не там, иначе все это значилось бы на карте и в разработке операции.

Почему поезд оказался там, как раз понятно. У него расписание... Ильин отметил про себя, что нужно будет внимательно просмотреть расписание поезда. Разное, конечно, бывает, в районе Территорий, но поезда сходят с рельсов обычно не на станциях. А вот не связаны ли появление Грифа и прохождение...

Телевизор мелодичным звонком сообщил, что работу выполнил.

Интересно, подумал Ильин. Хотя... Никто не позволит пройти наружу информации о том, что Братья стали виной... Даже думать о таком нельзя. Нужно верить тому, что показывает независимое информационное агентство. Даже если показывает оно вместо свежей хроники изображение железнодорожной катастрофы трехлетней давности. Недалеко от Твери.

Телевизор, произведя поиск в своем архиве, с довольным видом демонстрировал параллельно две картинки.

Станным образом нынешняя катастрофа совпадала с давнишней. Нет, не у каждого в домашней технике имеется спецпрограмма поиска и идентификации, тут Машенька Синцова из отдела технического обеспечения не зря получила свои цветы и шампанское с конфетами. Картинку из-под Твери, естественно, не просто тупо поставили в новости, ее обработали, конвертировали, инверсировали и бог знает что еще с ней сделали...

Ильин выключил телевизор.

Стрелять таких надо, подумал майор. Кого именно, даже сам он четко не представлял. Журналистов? Братьев? Козлов из Комиссии?

Ильин подошел к окну на кухне, отдернул штору. На торцевой стене девятиэтажки напротив ярко-красным было выведено: «НЕТ СБЛЯЖЕНИЮ».

Надпись, судя по всему, сделали ночью, кому-то было не лень висеть на веревке в темноте ради удовольствия увидеть, как работники коммунального хозяйства будут с надписью бороться. Работникам, оценил Ильин, удалось оттянуть начало работы над пасквильной надписью до вечера.

Маленькие радости общества, тесными рядами шагающего по пути Сближения и Сосуществования.

Ильину снова захотелось спать. И в конце концов, он в отпуске. На целый месяц. С проездными документами в любую точку страны. Он бы очень этому порадовался, если бы не так хотел спать.

Ильин лег на диван, спихнув форму на пол, телевизор погас. Ильин уснул сразу, словно все вокруг просто выключили, как телевизор.

Хотя телевизор так и не выключился. Что бы там ни думал Ильин, его телевизор честно, как это умеет только домашняя техника, передавал изображение комнаты майора на записывающую аппаратуру в небольшом помещении неподалеку. Аппаратура фиксировала все, даже ночью: телевизор имел специальные насадки и приспособления. В принципе, через него можно было работать даже молекулярным зондом – старший сержант Маша Синцова из отдела технического обеспечения не зря получила свои премиальные.

Следящая аппаратура ничего не имела против майора Ильина. Следящая аппаратура честно выполняла свой долг. Люди, следящие за следящей аппаратурой, тоже честно выполняли свой долг. Ничего личного.

Разве что иногда... Как вот в Адаптационной клинике возле Внешней границы. По инструкции наблюдатель должен был наблюдать за происходящим на экране все время своего дежурства. Техника была продублирована, но следить нужно за всем. Но, как понимали и наблюдатели, и их непосредственное начальство, сутки смотреть и слушать, как человек, лежащий на койке...

Дежурный наблюдатель повернулся вместе с креслом спиной к экрану и читал книгу, толстый потрепанный исторический роман. Книга передавалась от наблюдателя к наблюдателю и перечитывалась многие десятки раз. Заступив на смену, наблюдатель выпивал дежурную чашку кофе, открывал книгу на первой попавшейся странице и читал-читал-читал...

Звук на пульте также был выключен, чтобы наблюдатель не слышал, как человек на койке кричал-кричал-кричал...

Человека на койке звали Евгений Касеев, и ему было очень больно-больно-больно-больно-больно... Мамочка, как больно!.. Родимая... мама...

Горели глаза. Медленно, неотвратно... Боль тягуче, как напалм, переливалась из одной клетки в другую, пробивала себе дорогу к мозгу. Неторопливо, зная, что у нее, боли, есть целая вечность впереди. Человек, как бы он ни рвался и ни кричал, все равно никуда не денется. Человек был привязан к кровати.

Рот ему, правда, не заткнули: палата имела очень неплохую звукоизоляцию. Палата была, собственно, создана для таких вот случаев.

Касееву было больно. Он не понимал, где находится, что с ним происходит, не помнил, как его вывели с перрона, – все это стерлось из памяти, отступило перед вязким движением огня в глазах.

Вначале показалось, что в глаза попал песок. Женя даже попытался почистить глаза, стал искать воду, чтобы промыть, но жжение только нарастало, усиливаясь, будто это действительно был огонь, разгорающийся с каждой новой веточкой, попавшей в его объятия.

Огненные сполохи носились по всему небу; деревья, люди, машины – все казалось полупрозрачным, сквозь все это проступали языки пламени, все светилось бело-голубым, как сварка, как тысячи сварок прямо перед глазами.

Закреть глаза... Закреть глаза – и вот тут Женя закричал впервые. Он лишь на мгновение опустил веки – и пламя взорвалось в его мозгу, чуть не убив. Боль под закрытыми веками усиливалась тысячекратно...

Поднимите мне веки, нелепо мелькнуло в мозгу кричащего Касеева.

Женя упал, катаясь по сухой земле, словно пытаюсь сбить несуществующий огонь, тщетно пытаюсь.

Глаза... Это они, они виноваты... лучше уж без них... без них... горящие сбрасывают с себя одежду, срывают вместе с прилипшей кожей, рвут по живому... глаза... Руки Касеева потянулись к глазам. Огонь, его нужно сбить, нужно вырвать и затоптать... огонь... глаза...

Один Пфайфер не смог бы справиться, но ему помогли солдаты. Ребят, видимо, учили, что нужно делать в таких случаях. Тем более что ничего особо сложного в первой помощи и не было.

...Обездвижить, связать, на веки поставить фиксаторы Халла и доставить в специализированное медицинское учреждение. В случае отсутствия фиксаторов применить подручные средства или зафиксировать веки в открытом положении вручную.

В случае отсутствия фиксаторов... Смешно. Без фиксаторов Халла солдата не выпустят в район Территорий. Это предмет первой необходимости, фиксатор Халла. Не зря старик получил премию пять лет назад. И пенсию от Братьев.

Редко кому удастся получить благодарность, и у людей и у Братьев одновременно. Чаще всего это несовместимо. Совершенно.

Касееву еще повезло.

Генрих Францевич, просидевший десять часов возле него, так и сказал:

– Тебе, Женя, повезло.

Сказал сразу после того, как Касеев перестал кричать. Когда хриплый крик сменился тяжелым дыханием.

– Повезло тебе, Женя...

Касеев застонал. Горло пересохло, он не мог говорить, даже стонать он толком не мог. Так – хриплый протяжный выдох.

Пфайфер взял со столика блестящий цилиндр и осторожно, сантиметров с десяти, распылил аэрозоль над лицом Касеева. Аэрозоль вонял мерзостно, словно старая выгребная яма, но Пфайфер уже привык. Он уговорил врача позволить ему самому быть сиделкой у Жени и каждые пятнадцать минут обрабатывать тому глаза.

Касеев снова застонал.

– Ничего, – тихо сказал Пфайфер, – теперь уже будет легче. Еще немного поболит, а потом... потом все будет хорошо.

В голосе Генриха Францевича сквозили участие и забота. И почти не было слышно сомнения: Генрих Францевич умел хорошо скрывать свои эмоции.

– Глаза нужно было закрыть, – сказал Пфайфер. – Там, на перроне... Просто закрыть. Самый простой и действенный способ. Вот как я...

Хриплый выдох.

– А я тебе кричал. Чтобы ты закрыл, а ты...

В дверь палаты постучали.

– Да, – сказал Пфайфер.

Вошли два врача. Так, во всяком случае, сначала показалось Генриху Францевичу. Через несколько секунд он сообразил – врач был один. Вторым был... Раньше таких называли искусствоведами в штатском.

– Как дела? – спросил врач, даже не глянув на показания мониторов.

Врач чувствовал себя неловко, осознавал всю нелепость своего вопроса, но ему была поставлена задача привести в палату посетителя и...

– Тут мой коллега... – пробормотал врач, неловко махнув рукой в сторону посетителя, – психолог. Он бы хотел поговорить...

– Женя пока не может...

– С вами, простите, поговорить. – Врач виновато Улыбнулся. – Он полагает, что вы также могли испытать нервный шок... пролонгированного, так сказать, действия. Так что я, с вашего разрешения, вас оставляю. Дела, знаете ли...

Врач вышел из палаты и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Меня зовут... – начал посетитель, но, заметив ироничную улыбку Пфайфера, осекся:
– Что-то не так?

– Может, лучше по званию? – спросил Пфайфер. – Типа «гражданин майор». Или «капитан». Скорее капитан, вы еще довольно молоды, хотя, с другой стороны...

– Капитан, – сказал посетитель. – Но зовут меня Алексей.

– Просто Алексей. Мило и очень демократично, – одобрил Пфайфер. – Вы так хотели со мной пообщаться, что даже решили не присылать повестку?

Капитан прошелся по палате, остановился перед мониторами. Достал из кармана небольшую коробочку серо-зеленого цвета и положил ее на столик.

Изображение на экране наблюдателя пропало, аппаратура тревожно звякнула, предупреждая наблюдателя, тот резко повернулся в кресле к пульту, но обнаружил на экране надпись «Допуск».

Допуск так допуск. Наблюдатель сделал пометку в журнале о том, что в палату прибыло официальное лицо со спецдопуском, и вернулся к чтению. В книге как раз начиналась дуэль.

– Вы как-то болезненно реагируете на появление представителя правоохранительных органов, – сказал Алексей, сев на стул напротив Пфайфера. – Личный опыт общения?

– Вы неправильно сели. – Пфайфер снова взял аэрозоль и обработал глаза Касееву.

– Что не так?

– Вам нужно было сесть на стул верхом, положив руки на спинку. Так все выглядело бы живее. Очень душевная получилась бы мизансценка. У вас такая располагающая внешность – наверное, вы любите играть доброго полицейского. Вам бы еще пошло цитирование классики. Лучше – Серебряный век. Вы любите Блока?

– Я люблю Фета. Это не так чтоб слишком Серебряный век русской поэзии, но мне нравится. – Алексей улыбнулся.

Очень у него была искренняя и располагающая улыбка.

– Я бы хотел...

– В жопу свое хотение засунь, – неожиданно посоветовал Пфайфер, – потом пойди к своему начальству и попроси, чтобы оно тебе его либо вытащило, либо протолкнуло поглубже, к гландам.

– Не понял...

– Другими словами – на фиг из палаты.

Дыхание Касеева стало более ровным, наконец подействовала ударная доза успокоительного, Женя заснул. Страшненькое это было зрелище – спящий с открытыми глазами. С налитыми кровью, испещренными прожилками глазами.

– Пошел к черту, – уже тихим голосом сказал Пфайфер. – Я буду разговаривать с тобой или с тебе подобными только в официальном месте. И приду я туда только по повестке. Но не раньше.

Капитан задумался, пошевелил губами. Насколько смог понять Пфайфер, капитан не ругался. Капитан искал варианты.

– Ладно, – сказал капитан и встал со стула. – Попробуем.

Стул был повернут спинкой к Генриху Францевичу, капитан сел на него верхом и положил руки на спинку стула. Потом оперся подбородком на руки, чуть прикрыл глаза и тихо произнес:

– Ночь, улица, фонарь, аптека...

Пфайфер почувствовал, как глупая улыбка пытается просочиться на его губы.

– Все, – тяжело вздохнул капитан, – больше из Блока не знаю. Могу попытаться вспомнить Гумилева. Что-нибудь. Или Есенина? Выткнулся на озере алый цвет зари... что-то там такое, плачут глухари... Ни хрена они, кстати, не плачут. У них пение – будто кто-то трясет спичечным коробком. Токуют они в марте, поэтому потащить в стог и изминать, как цвет, в такое время года порядочную девушку мог только морозоустойчивый садист. Не разбирающийся к тому же в родной российской природе... И кроме всего вышеперечисленного, я представляю военную прокуратуру и хочу задать вам несколько вопросов в связи со смертью коменданта железнодорожного перегона... а вовсе не о вас и вашем коллеге. Или мне что, уйти?

– Оставайтесь, – разрешил Пфайфер. – Бог с вами.

– Вот и славно, – облегченно выдохнул капитан и даже вытер лоб. – А то, как вы очень образно сказали, начальство мне бы засунуло... по самые.

– Что конкретно вас интересует?

– Конкретно... – протянул капитан. – Что и как вы видели? С момента остановки. И...

Капитан замялся. Или сделал вид, что замялся.

– ...И не снимали ли вы все это камерой...

– Не работал ли я кадром, – поправил Пфайфер. – Сейчас так говорят – «работал кадром». Работал, с двух точек, но... полковник очень торопился и ему было нужно, чтобы мы убрались поскорее с платформы. Вот он и выстрелил. Два очень неплохих выстрела.

– И вы успели обратиться с платформы?

Пфайфер посмотрел на Касеева, вздохнул.

– С платформы мы обратиться не успели. Зато я успел выбросить всю электронику. Так что лично я отделался очень легко. По сравнению с пассажирами и Женькой. Сколько там, кстати, народу пострадало?

– Съёмка самого инцидента... гибели железнодорожника... вы не вели? – Капитан вопрос проигнорировал.

– Нет, не вели.

– Но видели.

– Да. Полковник подошел, поднял пистолет и – бац! Я же говорил, он очень хорошо стреляет. Хотя камера, конечно, меньше, чем голова железнодорожника. Но если вас интересует мое личное мнение... – Пфайфер вопросительно посмотрел на капитана, дождался, пока тот кивнет утвердительно, мол, да, мол, конечно, интересует. – Стрелять нужно было не в железнодорожника. А в...

Капитан продолжал слушать, не торопясь перебивать и пресекать возможные некорректные разговоры. Он продолжал сохранять выражение вежливого интереса на лице даже тогда, когда аэрозоль выдал новую порцию зловония.

– Потрясающая братская технология, – сказал Пфайфер. – Как и все, что нам передают Братя. И так же отвратительно воняет. До тошноты. Я-то уже привык, а вы, я смотрю...

– Я привыкну, – пообещал капитан. – Даже сильные запахи перестают восприниматься, когда...

– Эти – не перестают. Вот уже десять лет воняет по всей Земле. Десять говняных лет. Вы, наверное, даже и не помните, как это – чистый воздух, без воню...

Пфайфер понимал, что его понесло, что ничем хорошим этот разговор не может закончиться.

Наверное, он действительно устал.

– Свой телефон вы также выбросили? – спросил капитан ровным, ничего не выражающим голосом.

Пфайфер сдвинул рукав куртки, демонстрируя пустое запястье.

– Иначе мы общались бы в травматологии.

Капитан протянул к Пфайферу левую руку, в воздухе над блоком телефона замерцала голопанель.

– Позвоните с моего телефона к себе в агентство.

– И что?

– Просто позвоните.

– Да, – ответила Даша, как только Пфайфер набрал номер.

– День добрый, – сказал Пфайфер.

– Здравствуйте, Генрих Францевич! – обрадовалась Даша. – Я вас разыскиваю целый день. Тут все так переволновались в связи с этой катастрофой. Вы с Женей в рубашке родились! Я как узнала, что вы в последний момент получили новое задание, в клинику, прямо камень с сердца упал. Ксюшку сгоняли на место катастрофы, так она, дура, такого начирикала, что пришлось переозвучивать прямо здесь, на пульте... Представляете? Все вагоны, говорит, уничтожены, взрывы... Главный сказал, что это нервы. Она впервые попала в такое, вот и поплыла... Жаль только, что ваш первый информпакет посыпался, тот, что вы через Сеть перегоняли. О клинике, обзор.

– Посыпался?

– Администратор клянется и божится, что это не мог быть вирус, говорит – железо у вас сбойнуло. Но это ничего. Вы же теперь в клинике недели на две? Все переснимете... И... – Даша понизила голос: – Там не может быть Братьев? Если сможете, лично для меня... Я бы хотела...

– Дура, – сказал Пфайфер, – знаю, чего бы ты хотела. Ты хоть касеевские материалы о Территории смотрела? О таких, как ты, хотелках?

– Это называется ксенофобия, – не обидевшись, ответила секретарша. – Я хотела бы работать с Братьями, что здесь такого? Переводчицей, например. Или экскурсоводом...

Разговор был старый, грустный и глупый. И совершенно не имел смысла – Даше хотелось. Собственно, все их агентство работало для того, чтобы людям хотелось. Сосуществования и Сближения.

– Нам будет нужна аппаратура и...

– Командировочные вам выслали, – радостно сообщила Даша. – Железо – везут. Саня везет. А там Женя далеко? И чего вы звоните с чужого телефона? И...

– Женя занят, работает с... – Пфайфер покосился на капитана, – с властями. Освободится – перезвонит. Шефа, как я понимаю, нет?

– Его вызвали... куда-то вызвали наверх. А вы там не увидите?..

Пфайфер отключил связь.

Капитан опустил руку.

– Из военной прокуратуры, говоришь? – осведомился Пфайфер недовольным тоном. – Об убийстве, говоришь?

– Говорю, – спокойно кивнул капитан. – А что мне остается?

– А если бы я чего-нибудь ляпнул Дашке?

Капитан промолчал.

– Запаздывание сигнала, – засмеялся Пфайфер. – На сколько?

– Секунда.

В дверь палаты снова постучали.

– Просто проходной двор какой-то, – покачал головой Генрих Францевич. – Войдите.

Молча вошли два санитары, молча поставили возле окна кровать и молча вышли, стараясь не глядеть на капитана.

– Это для меня? – спросил Пфайфер.

– Нужно же вам где-то спать эти две недели, – развел руками капитан. – Это клиника, а не отель. И находится она практически на Территории, так что гостиниц нет. Располагайтесь, отдыхайте.

Капитан встал со стула, пошел к мониторам и даже протянул руку за своей серо-зеленой коробочкой, но замер, словно решаясь на что-то. Потом вернулся к кровати.

– Вы тут очень вызывающе говорили о вони... О том, что воняет от Братьев...

– Могу повторить, – с готовностью сообщил Пфайфер. – Даже под протокол. Вы же пишете наш разговор. Вот ручка в кармане халата очень напоминает сенсор кадра. Повторить погромче?

– Коллегу разбудите.

Пфайфер оглянулся на Касеева, посмотрел на часы.

– Вы считаете, что Территории созданы Братьями для того, чтобы держаться от людей подальше?

– А вы считаете иначе?

– Я не считаю, – сказал капитан. – Я знаю. Первые несколько месяцев после Встречи Территорий не было. Вначале пошли активисты Контакта... очень им хотелось побрататься... Потом... потом полезли мстители, но с ними, в общем и целом, справились легко. А вот потом...

Дети. Почему-то решили, что дети гораздо легче вступят в контакт с иным разумом, чем взрослые. Спасибо Спилбергу и его «Инопланетянину». В режиссера потом трижды стреляли.

Но до этого считалось, что детям будет проще. И не запрещали, а местами даже поощряли прогулки к Братьям. Особенно когда стало известно, что их женщины и дети (рекомендовалось именно так называть – женщины и дети Братьев) уже высадились. Эта идея умиляла всех – играющиеся дети, наши и Братьев. А потом руки, протянутые друг к другу, а потом и Существование и Сближение как начало Полного Слияния.

Первым оказался француз. Десятилетний мальчик по имени Пьер. О его гибели стало известно всем. И то, что дети Братьев в своей детской непосредственности несколько часов убивали мальчишку, и что тело потом пришлось хоронить в закрытом гробу – это тоже узнали все. И сразу.

Но и это было не самое страшное. Самым страшным... смертельным оказалось сообщение о том, что Братья, компенсируя гибель ребенка, передали его родителям... дали нечто, выкупленное потом правительством Франции, что сделало безутешных родителей очень неплохо обеспеченными людьми.

Потом дети Братьев заиграли до смерти семилетнюю Фатиму... Была выплачена вира... Словечко из глубокой древности, означающее плату за кровь и за обиду, оказалось очень уместным. Братья, естественно, не попадали под действие земных законов, но были готовы возмещать.

А люди были готовы отправлять своих детей к Братьям, поиграть. Можно отправить одного своего ребенка на мясо, чтобы остальные дети... Одно условие – ребенка именно своего. Братья очень строго требовали, чтобы вира шла только родственникам. А когда одно из государств попыталось виру изъять...

Остальные поняли, что лучше этого не делать.

Появились Территории и Границы...

– И выходит, – закончил капитан, – что воняет не столько от Братьев, сколько... Вы меня простите, но Братья – это только повод смрада на Земле, а не причина.

Капитан забрал свою коробочку и, не прощаясь, вышел из палаты.

Генрих Францевич некоторое время сидел, молча глядя перед собой. Потом еще раз обработал глаза Касеева, расстелил на своей кровати постель и лег. Свет в палате померк.

Пульт просигнализировал наблюдателю, что аппаратура переключилась на ночной режим. От наблюдателя ничего не требовалось делать по этому поводу, просто так повелевали инструкция и программа пульта.

Наблюдатель перелистнул страницу, очень захотелось зевнуть, но нечеловеческим усилием он зевок подавил. Не исключено, что и за ним следят сенсоры, что и его действия потом тщательно анализируют. А терять работу практически на Территории наблюдатель не хотел.

На Территории были большие возможности. Очень большие возможности, если правильно взяться. Некоторые на этом сколотили громадные состояния.

Вот как, например, Ринат Махмудов.

Ринат Махмудов сам лично на Территориях, боже Упаси, не был. Но знал многих, кто там бывал. И многим помог туда попасть.

К тому же Ринат Махмудов справедливо полагал, что оказывает людям помощь, благотворительствует им, направляя на Территории. Законные способы попасть к Братьям, конечно, были, но были они, как положено, долгими и ненадежными. Годы могли пройти, прежде чем человек попадал на одну из Территориальных бирж. И не было никаких гарантий, что он не будет вынужден еще пару лет сидеть в карантине на братской похлебке.

Ринат Махмудов работу гарантировал. Для этого нужно было знать нужных людей.

Таких, как Гриф. Плохо, однако, что таких людей очень мало. Очень плохо, что очень мало. Такой нужный человек, как Гриф, был вообще один.

Поэтому только Гриф мог получить аудиенцию у Рината Махмудова в любое время суток по первому же требованию. Если бы любой другой попытался войти в загородный дом Махмудова в час ночи, его бы не просто остановили. Его бы еще некоторое время учили, когда можно и когда нельзя приходить к таким уважаемым людям. А Грифа...

Узнав, что пришел сам, Махмудов отодвинул диван, набросил халат и отправился в маленький кабинет. Там он принимал обычно самых уважаемых и самых близких людей. Там стояло несколько дублирующих систем безопасности, гарантирующих, насколько это было вообще возможно в эпоху Сосуществования, конфиденциальность переговоров.

Гриф сидел в кресле у бара. В прошлый раз Гриф занимал диван в углу, а позапрошлый... Гриф постоянно менял место. Зачем? Ринат не задавал вопросов Грифу.

Как-то попробовал, один раз. Гриф молча встал и вышел. Пришлось почти месяц его искать, чтобы извиниться и продолжить прерванный разговор.

Руки Гриф при встрече не подавал.

– Добрый вечер, – сказал, улыбаясь, Ринат. – Очень рад. Очень. Извини, что не накрыт стол. Я просто не знал, что буду сегодня иметь счастье видеть тебя...

Гриф положил на столик перед собой кадропластину, включил. На пластине появилось изображение, оторвалось от поверхности и, обретя объем, повисло в воздухе.

Ринат подошел ближе. Присмотрелся.

Мертвые люди. Трое. Застывшие глаза, кровь. Тюки. Три громадных тюка.

Ринат сглотнул слюну, откашлялся. Потом спохватился и посмотрел на Грифа, натолкнулся на твердый взгляд его радужных глаз и отвернулся. Обычно Гриф разговаривал, не снимая темных очков. Сегодня... Сегодня все идет не так, как обычно.

Гриф слишком долго молчит.

Ринат достал из бара бутылку и один стакан. Сам он не пил.

– Выпьете?

Гриф еле заметно покачал головой.

– Кто это? – спросил Ринат. – На кадре?

– Ты не знаешь?

Ринат снова посмотрел на изображение. Протянул руку, поворачивая проекцию.

– Не знаю, – сказал Махмудов и посмотрел в глаза Грифу.

И выдержал целых пятнадцать секунд, молодец. А то, что по спине покатались капли пота, так это никто не узнает. А если и узнает, то...

– Вы думаете, что я должен их знать? – спросил Ринат, потому что Гриф продолжал молчать. – С чего вы это взяли?

Он снова перешел на «вы». Ведь каждый раз приказывает себе обращаться к Грифу на «ты». По дороге в кабинет повторяет про себя – ты, ты, ты... Сегодня даже смог дважды ввернуть это замечательное восточное слово, вроде бы уважительное, но ставящее на место... И снова съехал на «вы».

Что он вообще себе позволяет? Ему нужны деньги – он их получает. Он делает заказы, и заказы выполняются в срок. Но каждый раз Гриф приходит, будто хозяин, будто самим небом предначертано Махмудову заискивающе улыбаться этому странному человеку с глазами, похожими на перламутр.

Гриф надел темные очки, и Махмудов еле успел подавить облегченный вздох. Так было значительно лучше. Спокойнее и уютнее. Прочь уходил озноб... почти уходил.

Махмудов сел в кресло, закинув ногу за ногу. Полы халата разошлись, открыв шелковые пижамные брюки, тапочка расслабленно повисла на ноге, демонстрируя спокойствие и уверенность хозяина.

– Это все, что... вы хотели спросить у меня в столь поздний час? – осведомился Махмудов, продолжая держать улыбку.

– Нет, не все.

Гриф посмотрел на свои ладони, словно решал, продолжать разговор или нет.

Решил продолжить.

– Я выполнил заказ, – сказал Гриф. – Эти трое в кадре – те самые, кого я должен был перехватить.

Улыбка медленно сползла с лица Рината. Гриф убил этих троих? Гриф?

– Это не я, – сказал Гриф, словно услышав мысли собеседника. – Они убили друг друга, но, в принципе, из-за меня. Но дело не в этом. Я хотел у тебя узнать, кто тебе заказал операцию?

Пауза.

Почти в минуту длиной. Ринат просто отказывался себе верить – обратиться к нему с таким глупым вопросом мог только ничего не знающий желторотик. Попытаться выяснить имя заказчика – смертельно опасно. Для всех, для Грифа, для Рината... Ринат не настолько сошел с ума, чтобы вообще обсуждать такие вопросы. Люди, заказывающие доставку груза с Территорий, – по определению люди очень серьезные. Любая мелочь оттуда стоит бешеных денег, и за десять лет после Встречи дешеветь они не стали – наоборот.

Все делалось с многократным запасом прочности и надежности, сам Ринат не знал, кто и что будет нести с Территорий. Знал он только, что будет их трое, и знал маршрут. Все это он честно передал Грифу. Все. Все!

– Кто заказал операцию? – повторил свой вопрос Гриф.

Махмудов молчал.

– Хорошо, – кивнул Гриф, – попробуем по-другому. Ты знаешь, что было в тюках?

– Откуда? Что-то с Территорий, много. Я не спрашиваю лишнего, сам... сами понимаете. В нашей работе много знать опасно. Я маленький человек. Я берусь только за те дела, которые могу вытянуть. А если у меня самого может не получиться, я обращаюсь к таким серьезным людям, как вы, уважаемый... Я...

Гриф медленно опустил руку в карман куртки, Махмудов торопливо глянул на голову тигра, висевшую на стене. Глаза не светились – оружия у гостя не было.

Гриф что-то достал из кармана, протянул сжатую в кулак руку над столом, чуть разжал пальцы. С легким шелестом, как песчинки, на стол посыпались мелкие, похожие на соль кристаллики. Падали, ударялись о поверхность стола, разлетались в стороны...

Махмудов вытер рот. Протянул руку к столу, но замер. Пальцы дрожали над самыми кристалликами.

Если бы это была соль. Просто соль. Но Махмудов слишком давно крутился в своем бизнесе, мог на глаз отличить рабочие крестовины от спаленных, из кучи растяжек в секунду выловить фуфло, определить одним прикосновением срок годности костяшек и колечек...

Самым краешком сознания Махмудов даже сейчас подумал о том, сколько может стоить эта горсточка зародышей, Ринат даже обратил внимание на то, что три зародыша отлетели за край стола, на ковер. Нужно будет потом поискать. Но поручить некому: украдут зародыш, сволочи. Самому весь кабинет проверить, каждую ворсинку.

Вообще, так, как это делает Гриф, с зародышами не обращаются. Их вынимают поштучно из хрустальных ампул, аккуратно выкладывают на стеклянную пластинку, если собираются продавать. А если не собираются, то держат под семью замками... или вообще скрывают, что имеют это у себя.

У самого Рината было двенадцать зародышей. И Ринат считал себя неплохо обеспеченным человеком.

– Это несли они? – спросил Ринат. – Сколько здесь? Около тысячи?

Тысяча! Тысяча... Во рту пересохло. А Махмудову пообещали всего лишь четыре жужарика и скат. Сволочи. Жадные сволочи.

Молодец, Гриф, умница. Прикидывался чистюлей, а когда оказалось, что «верблюды» несли на себе с территории такое сокровище, быстро сообразил, что свидетели не нужны. Только... Напрасно он пришел с этим к Махмудову. Совсем напрасно.

Ринат спрятал руки в карманы халата.

– Эти недоумки несли тысячу зародышей? – спросил Махмудов, и голос его даже не дрогнул.

– Они не были недоумками, – тихо сказал Гриф. – Они – не были. А вот ты... И я. Если ты назовешь заказчика сразу – у тебя есть шанс выжить.

Все понятно, подумал Махмудов. Этот идиот решил, что, кроме Рината, никто не знает, что именно Гриф выполнял эту работу. Правильно решил, между прочим. Заказчикам не нужно было знать исполнителей.

Но ведь и Гриф мог пропасть без вести. Исчезнуть вместе с сокровищами. Вот прямо из этой комнаты и исчезнуть. И Ринат может исчезнуть, это уже подготовлено давно, на всякий случай. Многоэтапный уход, со сменой документов и внешности... Вплоть до отпечатков пальцев и радужной оболочки глаз. Имея такой куш, можно уходить. Нужно уходить. Если он сейчас выпустит Грифа из этого дома, то всю оставшуюся жизнь будет жалеть, волком выть, пока не сойдет с ума окончательно.

Извини, Гриф, но это уже не зависит ни от кого. Это должно произойти. Это произойдет.

– Не торопись, Ринат. – Голос у Грифа похож на лед. – Прежде чем сюда войдут твои люди – ты же нажал кнопку вызова? – выслушай еще кое-что.

Ринат засмеялся и откинулся на спинку дивана. Стало вдруг легко и свободно. Все сказано, Гриф сам понимает... Только вот отчего он так спокоен? Он же знал... Не мог не понимать...

– Около двухсот двадцати килограммов, – сказал Гриф.

Махмудов не сразу понял. Это будто сказать – миллиард миллиардов миллиардов. Слова есть, а смысла в них нет. Десять тонн бриллиантов... Даже не смешно.

– В тюках было около двухсот двадцати килограммов зародышей, – сказал Гриф. – Три тюка, по семьдесят с лишним килограммов в каждом. Смешно?

Ринат потряс головой.

– Правильно, – одобрил Гриф. – Совершенно правильно – нужно работать головой, если хочешь выжить. Полагаешь, тебя оставят живым? Странно, что вообще еще дышишь... Я, если честно, удивлен. Все могло получиться красиво – кто-то отправляет «верблюдов» на Территорию... не просто отправляет, он точно знает, где лежит больше двух центнеров зародышей. Он проводит «верблюдов» туда и обратно, заплатив тебе за то, чтобы я перехватил пустяковый груз. Как уже бывало не раз. Груз возвращается назад, мне как свободному агенту выплачивается премия в десять процентов... Которой обычно хватает и мне, и тебе, и заказчику. Полагаешь, нам бы выплатили с этого десять процентов?

Махмудов налил в стакан коньяку и залпом выпил.

– Более того, кто-то решил подстраховаться, и на маршруте моего отхода оказался Патруль. Не просто группа, а полный наворот: техники, аналитики и «волкодавы» – группа «Кот», если тебе интересно. Там не все понятно, но это потом, это можно выяснить и немного позже. А сейчас я хочу знать, кто дал заказ, кто имел такую информацию и кто сумел бы переварить такое количество зародышей. Тебе, считай, я уже заплатил. Ты уже получил шанс выжить. Если прямо сейчас ответишь – сможешь уйти, даже забрав с собой вот это. – Гриф указал на кристаллики, рассыпанные на столе. – Дальше все будет зависеть от твоей предусмотрительности и ловкости... Хотя я бы на твоём месте больше надеялся на везение. Очень серьезные люди могут очень серьезно искать. Время пошло.

Махмудов говорил ровно три минуты. Потом смахнул со стола себе в ладонь зародыши, пересыпал их в стакан и выбежал из кабинета.

Не останавливаясь, на ходу бросил своим людям за дверь, чтобы двигались за ним, сбегал в гараж. Стакан Ринат сунул за пазуху и придерживал теперь рукой. Не стоит показывать охранникам такое. Совсем не стоит.

Из гаража вылетело три машины, на развилке они рванули в разные стороны. Махмудова ни в одной из них не было, Махмудов уходил через старую штольню.

Когда потом, на рассвете, пытались разобраться, что же произошло в особняке этого уважаемого человека, что смогло превратить трехэтажный дворец в небольшую кучку слипшегося шлака, штольню обнаружили, но проследить, куда именно она вела, не смогли: уходя, Махмудов штольню подорвал.

Кто-то из милицейских экспертов предположил, что здание уработали из «блеска», начальство предположение выслушало и милицию отозвало. Прибыли парни из Патруля, установив блокаду и периметр безопасности.

«Блеск» был одним из братских подарков. Так что плавить дом мог либо Брат непосредственно, что было маловероятно, либо кто-то из побратимов. В любом случае заниматься этим нужно было осторожно и не привлекая внимания.

Вообще, все, что связано с Братями, нужно было принимать с большой осторожностью. Даже если это стало привычкой и работой.

Врач Адаптационной клиники Артур Флейшман был очень осторожным человеком. Поэтому вот уже два с половиной года работал в клинике. Почти рекорд. Главврачи менялись каждые три месяца, медперсонал – раз в полгода. И далеко не всем удавалось покинуть клинику. Некоторые оставались в ней в качестве пациентов, «адаптантов», как их именовали в клинике.

«Адаптант» звучало достаточно научно и четко отделяло просто заболевших от тех, кто тяжело переносил контакт с Братями и их технологиями.

Физически или психически.

Артур Флейшман занимался физическими адаптантами. Помимо всего прочего это было еще и безопаснее. Психоадаптанты могли – и время от времени делали это – попытаться достать своего врача. Но и это не было самым опасным. Они могли наболтать лишнего. Чего-нибудь такого, что вдруг оказывалось тайной.

А некоторые...

Флейшман помнил, полтора года назад вдруг оказалось, что все, кто возился с мальчишкой – психоадаптантом из Индии, в одночасье умерли. Семь человек в течение десяти минут. И никакие обследования не смогли указать причину.

Просто остановились сердца.

Мальчишку потом... Сам Флейшман этого не видел. Услышал случайно в столовой, как Мирзоян вполголоса рассказывал об этом Диане. Флейшман сидел далеко, многого просто не разобрал, но выходило, что в палату мальчишки запустили химию, но не стандартную, успокаивающую, а...

Флейшман сидел далеко и плохо слышал, а вот сенсоры Службы оповещения слышали достаточно. Мирзояна и Диану перевели в лабораторию... В качестве кого, Флейшман даже не пытался выяснить.

Артур лечил тела. Лечил хорошо, даже, наверное, слишком хорошо. Иначе ему не подсунули бы в качестве пациента этого журналиста.

Случай сам по себе был достаточно простой, можно сказать – банальный. Лечить подобное уже научились с результативностью в целых девяносто пять процентов.

Вот, скажем, плесень удавалось временно блокировать только в трех случаях из ста, а полное излечение пока оставалось лишь мечтой.

Так что этого Касеева можно было поднять и выпроводить за трое суток, но Алеша сформулировал все очень точно: Касеев не пациент, а журналист, будет работать в течение двух недель, готовить большой материал о Клинике.

А с Алешей в Клинике не спорили. Алеша... Его все так и называли, даже за глаза, – «Алеша». Не сволочью же его, в конце концов, называть.

– А вы, Артур, станете его сопровождать, давать пояснения и посвящать в специфику. – Алеша, с утра явившийся в кабинет к Флейшману, улыбался безмятежно и доброжелательно. – Мы ведь должны всячески содействовать свободным средствам массовой информации... Должны?

– Что? Ах, да... обязаны. Просто обязаны, – быстро проговорил Флейшман, все еще пытаясь найти способ открутиться от щекотливого задания. – Я, правда...

– Вы будете освобождены от всех других обязанностей. – Алеша встал с кресла, снял с рукава врача пылинку и осторожно опустил ее в пепельницу. – Мы все очень заинтересованы в том, чтобы наш гость быстро восстановил форму и смог профессионально и объективно донести до народа всю правду о Клинике и ее задачах. И достижениях, конечно. Вы понимаете?

– Я понимаю, – обреченно кивнул Флейшман.

– Больше оптимизма, Артур! – воскликнул Алеша и вышел из кабинета.

Больше оптимизма, Артур, подумал Флейшман. Откуда только его взять? Если попавшего под корабль велено объявить здоровым, то чем это может обернуться для знающих правду? Вот то-то же!

Флейшман включил монитор наблюдения за палатой.

Корреспондент лежал в кровати, на глазах была повязка: лечение вошло во вторую фазу, когда закрытые глаза уже не убивали. Еще один день компрессов – и можно переходить к восстанавливающим процедурам.

Старик, приехавший вместе с пострадавшим, куда-то вышел. Служба оповещения на запрос ответила, что посетитель находится в главном корпусе, и выдала на монитор картинку – старик не торопясь прогуливается по коридору административного комплекса. По нижнему

краю изображения пробежала надпись о том, что корреспондента вызвали в связи с прибытием посылки. Оборудования.

Генрих Францевич прождал свидания с посыльным почти час. Прождал совершенно напрасно, потому что Саню в Клинику не пустили дальше приемного отделения. Пфайферу передали сумку, в которой был полный комплект. Раньше был полный комплект, потому что, когда сумка попала к Пфайферу, комплект был уже неполным. Не было сетевого адаптера и не было телефона. Работать предстояло только на запись, в коробку. И отношения с агентством поддерживать только через местную телефонную связь. А она, как быстро выяснил Пфайфер, особой разветвленностью не страдала. Мобильники не носил никто, кроме капитана, мило побеседовавшего вчера с Генрихом Францевичем.

Пользоваться его услугами Генриху Францевичу не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Женька спал, убаюканный лекарствами. Доктор заглянул на две минуты, когда Пфайфер принес в палату оборудование, сказал, что с Касеевым все будет хорошо, что к вечеру, самое позднее к утру, повязку снимут, что сам врач мешать не будет, что все данные о состоянии больного он будет получать через местную Сеть и процессом лечения будет руководить через нее же.

Если что-то понадобится – у изголовья кровати есть пульт.

– Я разберусь, – успокоил врача Генрих Францевич.

И, конечно, соврал.

Ни в чем он пока толком не разобрался. И это злило. Ой как злило!

Ладно, поезд случайно попал под Братьев. Что-то там не срослось в Комиссии, не успели оповестить. Сволочи, конечно, но кто ожидал от них чего-то другого? Никто.

Вон даже полковник, бедняга, сорвался и учинил самосуд. Хотя обвинять его трудно, но и железнодорожник не так чтобы совсем виноват. Да, не смог сделать выбор между двумя инструкциями. С одной стороны, в случае появления чужекрыс он должен был обеспечить блокаду и безопасность. Остановил поезд на станции – тоже верное решение. Если бы поезд попал под удар на перегоне, да еще возле чужекрыс...

Пфайфер видел, что могли сделать эти долбанные грызуны-переростки. Всеядные грызуны-переростки. Два года назад снимали по этому поводу материал – не в Сеть, конечно, туда попала только краткая информашка. Работали для какой-то серьезной конторы, чуть ли не для Комиссии.

Эмигранты, незаконные, естественно, попытались проникнуть на Евротерриторию и напоролись на стаю. Три машины – две легковушки и микроавтобус, девятнадцать человек. Как показалось Пфайферу. В том кровавом месиве разобраться было трудно. И не особенно хотелось. Больше всего хотелось бросить пульт и уйти куда-нибудь подальше.

Стекла и дверцы не смогли остановить чужекрыс. Поэтому, собственно, возле Территорий ходят только поезда. Бронированный локомотив и высокая скорость защищают достаточно надежно.

На что надеялись те эмигранты? На то, на что надеются все, кто пытаются пробраться на Территории, – на чудо. А чудес не бывает.

Добрые чудеса закончились, идет время жестоких чудес. Очень точно сказал Женька когда-то. Очень точно.

Покойный железнодорожник принял единственно верное, как ему казалось, решение. Он мог просто не знать, что делает братский корабль с элементами питания и электроникой. Или даже знал, но именно знал, как знают о метеоритной опасности и парниковом эффекте – в принципе это опасно...

А тут было не в принципе, а совершенно непосредственно. Если бы корабль прошел чуть ниже, то закрытые глаза не спасли бы Генриха Францевича, да и бетонная платформа не

защитила бы остальных. И никого не защитила, вспомнил Пфайфер строчку из стихотворения. Никого.

Ладно, с этим более-менее понятно. А что делать со всем остальным? Почему их решили держать здесь? Как там сказала Дашка? Вы получили другое задание? В Клинику? А практикантка, приехавшая на место катастрофы, увидев несколько перевернутых вагонов, вдруг запаниковала и стала рассказывать о взрывах? Получается, что в программе взрывы не упоминались? Просто обыкновенная катастрофа? Технические неполадки плюс человеческий фактор?

Пфайфер заставил себя не вскочить со стула. Спокойно. Вот теперь – спокойно. Когда стало понятно, что попали в неприятности, нужно сохранять спокойствие. И попытаться сохранить ясность мышления.

Есть Братья. Есть люди, которым не повезло. Авария, кто-то погиб, у кого-то оторвало руку или разворотило грудь – это также на что-то можно списать. На земное. На человеческое.

А вот Женькины глаза нельзя объяснить ничем, кроме Братьев. Журналистика, конечно, уже давно ссучилась, но за своих чаще всего вступались. Своих чаще всего в обиду не давали. Женьку должны были привезти в Клинику, но говорить о том, что он столкнулся с Братьями, нельзя. Отсюда – командировка.

Вот такие пироги. Что будет с Женькой и с ним, Генрихом Францевичем Пфайфером?

Наверное, ничего. Скорее всего, ничего. Все будет нормально. Нужно только ждать. Терпеливо. Делать вид, что все нормально. Перебрать технику, а не раскисиваться на стуле. Заняться какой-нибудь работой.

– У меня уже есть работа, – сказал Ильин.

– Вы инспектор дорожного движения, – подсказал собеседник.

Ильин так и не предложил ему сесть. Этому раннему Гостю, как его про себя сразу же окрестил хозяин, еще повезло, что позвонил в дверной звонок уже после того, как Ильин принял душ и выпил свой кофе. Если бы Гость появился минут на двадцать раньше, все могло закончиться членовредительством: Ильин не выспался.

Всю ночь Ильина мучили... нет, не кошмары. Кошмары – это когда что-то страшное, непонятное и фантастическое преследует, наваливается на грудь, мешает дышать... А Ильина мучили воспоминания. И это было еще хуже.

...Стены, залитые кровью... кровь на руках... человек умирает рядом... Ильин приставляет к его голове пистолет и нажимает на спуск...

Это было на самом деле. Это вернулось вдруг, просочилось из глубины памяти, куда Ильин старательно запихнул все это.

В дверь позвонили, когда Ильин домыл посуду.

– Кто? – спросил Ильин, глянув в дверной глазок.

Система наружного наблюдения простому инспектору была не по карману.

– Игорь Андреевич? – спросил ранний Гость. – Нам нужно поговорить.

И это прозвучало настолько глупо, что Ильин открыл дверь.

– Можно я войду? – спросил Гость.

Невысокий, невыразительный, немолодой, неухоженный, нелепый мужичонка совершенно не вызывал опасений. Скорее жалость. Такому сразу же хотелось помочь.

– Входите, – сказал Ильин.

– Спасибо, – сказал Гость.

И вошел. Посторонился, прижавшись спиной к стене в крохотном коридорчике, давая возможность хозяину закрыть дверь.

Ильин, плавно закрыв дверь – смазанный замок еле слышно щелкнул, – улыбнулся дружелюбно и взял Гостя за горло. Левой рукой. И чуть придавил. Глаза Гостя округлились, потом закатились под лоб, и он наверняка бы упал, если б Ильин не удержал его на ногах.

Обморок прошел быстро, но Ильин успел проверить визитера на предмет лишнего в карманах и на теле. Лишнего не было. Вообще ничего не было в карманах. Ни ключей, ни денег, ни документов.

Одежда была не новая, но чистая. Пахла совершенно по-домашнему, даже, кажется, нафталином. Ворот рубахи – чистый, обувь – лишь слегка запыленная. Ничего странного.

Если бы Ильин знал, что на экране в помещении неподалеку он после мытья посуды отправился в комнату и читает книгу, сидя в кресле, он бы удивился. Но Ильин этого не знал.

Увидев, что Гость пришел в себя, Ильин прислонил его к стене и отступил на пару шагов.

– Добрый день, – тихо сказал Гость. – Очень рад с вами познакомиться.

– Ну? – спросил Ильин.

– Я хочу предложить вам работу, – сказал Гость.

Ильин хмыкнул и ушел в комнату, сел в кресло. Гостю сесть не предложил. Гость и не просил.

– У меня уже есть работа, – сказал Ильин.

– Вы инспектор дорожного движения.

– Не совсем. Я работаю в следственном отделе...

– Патруль, группа «Кот». Это ваш личный позывной. Вчера вы пытались перехватить некую группу, но вам помешали. Со вчерашнего дня вы в отпуске, совершенно неожиданном и непрошеном. – Голос у Гостя был невыразительный, но все слова произносились очень четко и внятно. – И я хочу предложить вам работу. Пока – в течение вашего отпуска, на все сорок дней.

Я в отпуске, хотел сказать Ильин, но промолчал. Ситуация получалась смешная, но, если честно, Ильин ожидал чего-то подобного. Он давно отвык от неожиданностей. Во всяком случае, в работе своего Управления.

Если тебя отправляют в отпуск – жди дополнительной работы. Но чтобы заказчик со стороны...

– Вы такой информированный человек... – Ильин говорил медленно, внимательно следя за собеседником. – Вы так много обо мне знаете...

Гость стоял неподвижно и даже, кажется, не дышал. Он был похож на манекен. Чуть-чуть, еле заметно подрагивал уголок рта. Ильина Гость не перебивал.

– А если я вас сейчас, согласно инструкции, обездвигу и вызову ребят из гестапо...

– Согласно инструкции, в случае попытки вербовки со стороны вы должны вступить в переговоры, сообщив при первой возможности своему руководству. Так что, беседуя со мной, вы не нарушаете ничего.

– А после окончания разговора...

– После окончания разговора вы сможете принять решение. – Гость даже чуть улыбнулся, тем самым дрожащим уголком рта. – Я могу продолжить?

– Продолжайте.

– Я хочу, чтобы вы нашли Грифа, – сказал Гость.

– Кто-то отобрал у него статус? – удивился Ильин. – Он теперь не свободный агент, номер лицензии три нуля пять?

– Он все еще агент.

– И тем не менее...

– И тем не менее. Найти.

– И...

– Вначале – найти.

– Да пошел ты! – искренне засмеялся Ильин.

Вот теперь все это вдруг превратилось в клоунаду – нелепую и несерьезную.

Ильин встал с кресла и вплотную подошел к Гостю. Тот даже не попытался отодвинуться. Зрачки чуть сузились – и все.

Все-таки боится, удовлетворенно подумал Ильин.

– Как только я найду – если найду – Грифа, мне нужно будет в первые же полторы секунды контакта его либо мочить, либо гасить. Времени на то, чтобы связываться с кем бы то ни было – с вами или с Господом Богом, – у меня не будет. Или он – или я.

– Я понимаю... – чуть кивнул Гость. – Хорошо понимаю. Он нужен мне для разговора.

Нам, подумал Ильин. Гость хотел сказать «нам». За ним, естественно, кто-то стоит. Осталось выяснить – кто. Или лучше не выяснять. Просто послать...

Но ведь Гриф...

– Я могу думать? – спросил Ильин.

– Вы можете поехать со мной. Чтобы не нарушать вашей инструкции, мы не будем прерывать нашу беседу. Пока мы болтаем, вам нет необходимости бежать с докладом.

– Ну да, – кивнул Ильин. – Поехать с вами в укромное место, где вы сможете разобрать мой изможденный организм на комплектующие?..

Ильин замолчал. Гость даже не шевельнулся, лишь снова чуть заметно дернулся уголок рта. Что-то коснулось шеи Ильина. Еле-еле.

Скользнуло по щеке к глазу.

Ильин стоял неподвижно. Гостя можно было не обыскивать в коридоре, нить все равно нельзя найти в теле человека. Даже глубокое сканирование не дает полной гарантии.

И ничто не может защитить от атакующей нити: ни яда, ни кислоты в ней нет, что-то происходит с нервной системой.

Ильин о нити слышал. Лешка даже врал, что видел одного носителя. Теперь вот и Ильин сподобился столкнуться.

– Если бы я хотел вас убить или захватить... – носитель улыбнулся, – я бы даже не стал входить в квартиру. Щелей в двери более чем достаточно.

Тонкая, словно паутина, нить сплелась перед глазами Ильина в сложный узел, распрямилась и втянулась под одежду Гостя, куда-то под кожу.

– Значит, – заключил Ильин, – поболтаем.

Глава 3

– Сейчас я занимаюсь тем же, чем занимался и до две тысячи седьмого года. Я преподаю физику в школе. Представьте себе. Да! Физику. Преподаю. И буду преподавать! И... А что вы прикажете мне делать? Торговать на рынке? Пойти в бизнес? Я уже сделал свой выбор еще в девяносто первом, когда все рухнуло. Тогда мне было еще сорок лет и был смысл менять жизнь. Друзья смеялись, манили заработками, а я решил, что останусь в школе. Буду учить детей. И я учил. Потому что физика – это... Она вечная, думал я, она – первооснова... Я и сейчас так думаю... Да, думаю. Несмотря ни на что! Только...

Позавчера на уроке из-за парты вдруг встал Никита... умный мальчик. Из обеспеченной семьи, но умный... немного развязный, правда, но это сейчас не самый страшный грех. Не самый... да... Так вот, Никита подошел к моему столу... класс затих... я сразу почувствовал, что сейчас будет нечто... это понятно сразу, когда такая тишина... Да... Никита подошел к моему столу и спросил... громко, четко, чтобы все слышали... Вот вы, Глеб Евгеньевич, спросил Никита, вы – преподаватель физики... Вы учите нас... Может, объясните, как это действует? И повесил прямо перед моим лицом в воздухе маленький шарик. Около сантиметра в диаметре. И что я должен был ему ответить? Начать рассказывать, что технологии Братьев опередили нашу науку? Об антигравитации и законах сохранения?..

Не знаете, сказал мне Никита. Ну, тогда мы, пожалуй, пойдем погуляем. Когда узнаете, сообщите. Когда будет чему нас учить. Все встали и вышли. А я остался сидеть... Знаете почему? Потому что Никита оставил шарик висеть в воздухе. А я могу себе представить, сколько такая игрушка стоит. Мне кажется, что могу представить. Родители часто дарят Никите очень дорогие вещи... А если бы этот артефакт пропал? Вот я сидел и караулил, старый дурак...

Сидел и караулил... – старик вытер слезу и тяжело вздохнул. – Наверное, не то я вам рассказываю... Нет, я не жалею, мои ученики скорее всего правы. Тем более что, говорят, в министерстве приняли решение переименовать мой предмет... чтобы не расходилось идеологически с Существованием и Сближением... История физики. Вполне достойный выход... Наверное... История физики. И я – тоже история... И то, что я вам рассказываю, никому не интересно...

– Это никому не интересно, – сказал главный Касееву, просмотрев материал. – Не занимайся ерундой. Этот дед – шелуха. Человечество выросло из своей старой науки, как из пеленок...

– Так голым и ходит, – сказал Касеев. – Или, на крайняк, в рваном тряпье. Понимаем, что все старое – фигня, что есть нечто новое, красивое... Как папуасы, изобретающие новый вид деревянной лодки, которые вдруг обнаружили у своих берегов пароход... Они что, и дальше будут вести научные изыскания в области деревянного судостроения? Новые методы плетения канатов?..

Главный не ответил. Главный молча взял ручку и вычеркнул из списка материалов, предложенных Касеевым, пункт номер три. Рассказ учителя.

– Что там у тебя еще? – спросил главный.

– Открытие новой кормушки. – Касеев преданно поглядел в глаза главного. – С речью мэра, представителей Комитета и Комиссии... И счастливым выражением на лицах пенсионеров и бомжей, дегустирующих мясоблок. Пять минут соплей в сиропе, во имя и на благо, как ты просил. Девочки на монтаже плакали от умиления и восторга.

Золотое перо главного повисло над списком, потом поставило вопросительный знак возле пункта номер четыре.

– Я честно, без балды, – запротестовал Касеев. – Я честно про учителя предупредил. А тут – все выдержано и в духе. Правда! Ты же меня знаешь...

– Знаю, – согласился главный и поставил второй вопросительный знак, рядом с первым. – Нам рекомендовали дозировать подобные материалы. Не пересластить. Понимаешь, опросы показывают, что настроения...

– А мне что делать? – вспыхнул Касеев. – Мне – что– делать? Серьезный материал – под нож. Корректный материал – отложить до лучших времен, когда народ перестанет тошнить от сладкого? Ну не умею я работать по тусовке, не вхож я в бомонд по причине брезгливости...

– Ты сядь, не нервничай, – сказал главный тихо, – тут еще такое дело...

– Какое дело?

Главный открыл ящик стола, достал свою знаменитую трубку, покрутил ее в руках и, вздохнув, положил назад: владельцы агентства не одобряли табакокурение. Владельцы выступали за здоровый образ жизни своих работников.

– Что случилось? – спросил Касеев.

– Твой материал о проституции на Территориях... – Главный кашлянул. – Ты ведь сейчас готовишь такой материал...

– Я его только готовлю... – Касеев почувствовал, как кровь прилила к лицу. – И еще пока никому не показывал. Кто-то рылся в моих материалах? Какая сволочь это делает? Мне говорили – я не верил ребятам, думал – врут, глаза испуганные делают... Или это ты лично решил проявить?..

Главный постучал пальцами по крышке стола, достал из кармана пиджака носовой платок и промокнул свой лоб. Покопался на селектор, стоявший на столе. И только тут Касеев сообразил, что селектор включен на передачу. Их кто-то слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.